

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
Филологический факультет
Кафедра русской и зарубежной литературы

Допустить к защите
зав. кафедрой
к.ф.н., доцент О.И. Иванова
(подпись) О.И. Иванова

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА И ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОЛДОСА ХАКСЛИ

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

Направление: 45.03.01. Филология
Профиль: Отечественная филология

Выполнил: студент 4 курса
группы РО-ОФ-16 ФЛФ СВФУ
Иксман Лилия Федоровна
(подпись) Л.И. Иксман

Руководитель: д.ф.н, профессор,
академик АН РС(Я)
Бурцев А.А.
(подпись) А.А. Бурцев

Квалификационная работа защищена

« 12 » июни 2020 года

Оценка отлично

Председатель ГАК

д.ф.н., профессор Ефремов Н.Н.

(подпись) Н.Н. Ефремов

Якутск – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР» В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	3
1.1. Проблема государства и религии в утопии «Остров» Хаксли.....	3
1.2. Идеи и традиции «Дивного нового мира» в утопии «Остров».....	10
2. УТОПИЯ «ОСТРОВ» О.ХАКСЛИ	19
2.1. Феномен острова в мировой литературе	19
2.2. Остров Пала как отдельное идеальное государство.....	28
2.3. Проблематика «Острова».....	38
3. ГЕРОИ ХАКСЛИ КАК ПРОТИВНИКИ МИРОВОГО ПОРЯДКА.....	46
3.1. Традиции одиноких героев в мировой литературе	46
3.2. Дикарь Джон как представитель не принятых обществом героев	55
3.3. Уилл Фарнаби – представитель изменяющегося XX века	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
ЛИТЕРАТУРА.....	76

ВВЕДЕНИЕ

1. «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР» В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Проблема государства и религии в утопии «Остров» Хаксли

Значительная часть жизни Хаксли состояла из забот о вопросах о том, как человек может избежать ужасов личного и социального бытия, в том числе и ужасов бытия будущего. Выразил Хаксли свои размышления не в манере выдающихся художников своей эпохи, стиль его описания значительно отличается от стиля Кафки или Джойса. Хаксли проявил себя, как настоящий интеллектуал. Отводя большую часть времени на изучение восточных религий и философии, он не ушел в пустыню, не стал совершать кругосветное пешее путешествие. Хаксли смог воссоздать из писем своего друга, а также мемуаров свои произведения, которые потрясли мир. Писатель представил нам свои размышления в таких произведениях как «О дивный новый мир» (1932), «Возвращение в новый дивный мир» (1958), «Остров» (1962).

«О дивный новый мир» считается главным произведением Хаксли, однако он писал не только антиутопии, но и работал в жанре, предшествовавшем антиутопии, в жанре утопии.

Хаксли разделяет все утопии на два типа — «отодвинутые во времени» (far-out Utopias) и «приближенные к настоящему» (near-in Utopias).

Собственные утопические работы он причисляет к последнему виду и утверждает, что такие тексты могут считаться проектами возможных и желательных действий: «Утопии, приближенные к настоящему, задуманы как реалистичные и практические. <.> Хаксли подчеркивает, что его идеи возможно осуществить» [2.47., p. 19].

Соответственно, к утопиям, «приближенным к настоящему» мы относим «Остров». Главное составляющее романа – тандем религии и государства, который беспощадно уничтожает весь прогрессивный и интеллектуальный народ острова своим желанием властвовать и быть ближе к Западу.

Хаксли не идет по той же тропе, что его предшественники-утописты. Платон («Государство»), Т. Мор («Утопия»), Т. Кампанелла («Город Солнца»), Ф. Бэкон («Новая Атлантида») – все они писали о невозможном, идеальном и гротескно прекрасном мире. Хаксли же предложил задуматься о проблемах психологического, образовательного, экономического и экологического характера, и не только. В общем, он взглянул на вечно актуальные проблемы с точки зрения ученого. Он противопоставил мир «Востока и Запада» и явное предпочтение отдал Востоку. В романе «Остров» мы видим остров Пала, который является воплощением Эдема для современных людей.

В Нью-йоркской лекции 1962 г. (Aldous Huxley's Blasfield Address of 24 May 1962) О. Хаксли определил «Дивный Новый Мир», «Обезьяну и сущность» и «Остров» как «утопические фантазии» (Utopian fantasies), уточнив, что первые два текста – это эксперименты с «негативным утопизмом» (negative Utopianism), а последний – с «позитивным утопизмом» (positive Utopianism) [2.47., p. 1].

Как считал сам Хаксли, критики, отрицательно отзывавшиеся об «Острове», реагировали точно так же, как и сам он откликнулся на утопию

«Люди как боги» (1923) Г. Уэллса. Наивный оптимизм Уэллса вызвал у Хаксли «стойкую аллергию» и желание написать в ответ что-нибудь циничное. «Дивный Новый Мир», в самом деле, был задуман как пародия, высмеивающая творение Уэллса.

Однако не будем обманываться и смотреть на произведения Хаксли клишированно критично. Наше исследование как раз преследует цель развеять немотивированные мысли о его творчестве.

В защиту своей утопии «Остров» Хаксли говорит: «Сравнительно легко написать хорошую книгу о несчастье, безумии и семи смертных грехах. Исключительно трудно быть интересным и убедительным, когда пишешь о счастье, о разумном, об обычных добродетелях и необычных экстазах и просветлении» [2.47., р. 2-3].

Согласимся с этим утверждением, ведь и вправду сложно воспринимать произведения, построенные лишь на счастье героев. Опытный читатель уже чувствует обман. Необходимы испытания, которые главный герой должен пройти, момент его сломятия, момент перерождения.

Разумный человек не живет иллюзиями, тем более в насыщенном на катастрофические события XX век. Главный герой – житель Лондона, который по счастливой случайности оказался на острове. Впоследствии он выяснит, что жизнь на этом островке намного лучше и современнее, чем в мегаполисах. Однако и этот Эдем оказался не без змея-искусителя.

Как известно, государство и религия неразрывно связаны. В качестве примера возьмем Ватикан. До сих пор Ватикан полностью контролирует народ посредством коллаборации религии и правительства. И известная библиотека Ватикана, куда без специального разрешения не пройти, доказывает особые полномочия церкви. Таким образом и строит Хаксли мир «Острова».

Остров Пала расположен в труднодоступном месте, что для Запада, что для Востока. Автор выступает поборником новой религии, которая, по мнению О. Рединой, «объединяла бы религиозную веру, философию и науку, а также позволила бы разомкнуть цивилизационную замкнутость Запада и Востока, синтезировать рационализм и мистицизм» [2.25., с. 282].

Уточним, Пала – это государство, построенное на синтезе великих достижений Запада и Востока. Социальная и политическая жизнь государства Пала по своему структурирована. Формой правления выступает олигархия, хотя и будущий правитель Палы утверждает, что у них конституционная монархия. Во главе государства стоит раджа. Право правления раджа передает по наследству. Утопический идеал гуманизма и разума на Пале представляет собой результат совместной деятельности Старого Раджи и трех поколений МакФейлов. Благодаря им на острове была принята совершенно новая и уникальная философия, сочетающая в себе достижения западной науки и восточного гуманизма.

Пала отрицает технический прогресс и индустриализацию, которые захватили весь Запад. После смерти Старого Раджи в правящих кругах начинается стяжательство и узурпация. Личная выгода ставится выше интересов государства. Будущие правители страны беспрепятственно ориентируют государственную политику на установление военной диктатуры, провозглашая тем самым Крестовый Поход Духа, который происходит из христианского радикализма.

Структура островного общества походит на тектонику республики Платона. Исключение составляет верхний уровень, который оказывается разделенным: тем, кто в состоянии философствовать и думать о благе других, не разрешено быть у власти (МакФейл), а те, кто с превеликим презрением

относятся к мудрости и учености, безнаказанно вершат судьбы множества людей (Муруган, Рани).

Общество Палы ратует за справедливое отношение ко всем без исключения. Так, считается, что остров принадлежит каждому жителю острова в равной степени, как и все, что находится в его пределах. Не существует личного обогащения и стяжательства. Это полностью противоречит мировоззрению палийцев.

Палийцы вызывают у главного героя чувство сожаления, ему они кажутся наивными. Но по мере изучения их мировоззрения и образа жизни, он понимает, что продолжить жить в прежнем мире ему будет сложно.

Гуманизм островитян восходит к буддийскому вероучению, согласно которому нужно устранить противоречия между эмпирическим бытием (сансарой) и абсолютным покоем (нирваной): «Необоримое в своей бесцельности, страдание будет продолжаться бесконечно. Во всех прочих проявлениях человеку придется мириться с собственной гротескно-одиозной ограниченностью» [2.35., с. 102]. Согласно буддизму, человек заслуживает сострадания, будучи погружен в вечные муки. Сострадание же облегчает существование и жизненные страдания человека и означает неременное спасение. По этой причине палийцы используют искусство любви: оно присутствует в различных видах отношений между людьми.

Гуманистические принципы проявляются во всех отношениях, и сострадание к людям – это высшее проявление человеколюбия в этом обществе. По оценке Е. Апенко, в романе «не борьба противоречий, даже не их диалектическое единство, а гармония является первоосновой мироощущения Пребывающих во Благе единства мироздания и человека» [2.2., с. 12].

Как мы уже упоминали, островитяне используют буддизм в одном из его нескольких вариантов. Любовь к окружающим, сострадание – вот главные

вопросы махаяны. Сострадание в махаяне и вовсе расценивается как мудрость. Личное спасение и просвещение расцениваются как производные от созерцательного отношения к миру. Религиозная система Палы продвигает категорию йоги любви, которая напрямую связана с созерцанием.

Также в качестве средства самопознания используют комнаты для медитации, в которых преимущественно изображены пейзажи вместо икон. Островитяне так считают: пейзажная живопись неизбежно приводит наблюдателя к самопознанию, человек приходит к самоанализу, а, следовательно, к просвещению. Просвещение означает как раз и жизнь в «здесь и сейчас». «Просвещенный человек это знает, живет этим, целиком принимает. Он ест, пьет и в назначенный срок умирает, но он ест иначе, пьет иначе, умирает иначе. Задача каждого – просвещение здесь и сейчас с предпосланной ему йогой, практикуемой с повышенной ответственностью». Это вера одних только жителей острова, а вышестоящие верны абсолютно другим догмам, полностью противоположных их вере.

Перед знакомством с Рани и Муруганом, олигархами и правителями Палы, автор четко высказывает свою мысль относительно религиозной веры: «Религиозная Вера в значительной степени отличается от обычной веры. Обычная вера предусматривает систематическое слишком серьезное восприятие не подвергнутых анализу слов. Слов святого Павла, слов Мохаммеда, слов Маркса, слов Гитлера – люди относятся к ним чересчур серьезно, и что же происходит в итоге? Итогом является историческая амбивалентность. Садизм против долга или (что намного хуже) садизм как долг; набожность, вступающая в конфликт с организованной массовой паранойей» [1.3., с. 61]. Высказывание дает нам понять, что все, о чем будет сказано далее – это всего лишь пример такой религиозной веры, над которым здравомыслящий человек может только посмеяться.

Рани, мать будущего правителя Палы Муругана, принадлежит к протестантской секте. Ее учитель, Кут Хуми призывает спасти человечество: «Наставник явился мне во время утренней Медитации. Явился лично, во всем Блеске Славы. «Время начинать великий Крестовый Поход, - сказал Он. – Всемирное Движение во имя спасения Человечества от самоуничтожения». Надо заметить, Рани сомневалась поначалу в своей способности влиять на людей, потому как не имеет опыта выступления на людях. Сомнение продлилось ровно секунду. Суть Рани очень точно выражают ее слова: «Эти люди на Пале, - объявила она, - даже в Бога не верят. Они верят в Гипнотизм, Пантеизм и Свободную Любовь» [1.3., с. 99].

Несерьезность веры Рани автор также показывает следующим действием: «Муруган, поглощенный полировкой ногтей на пальцах левой руки кожей открытой ладони правой, вздрогнул и посмотрел на нее с виноватым видом» [1.3., с. 89].

Надо сказать, будущий правитель Палы еще несовершеннолетний, но интеллектом он особо не выделяется. Герой называет его иронично «государственный деятель», «жесткий парень». Высказывания у будущего Раджи категоричные: «Я им всем покажу, кто здесь настоящий босс! – Причем и сама фраза, и тон, которым он ее произнес, были явно позаимствованы у героя какого-то тупого американского гангстерского боевика. – Эти люди думают, что мной можно манипулировать, - продолжал он цитировать до невозможности заезженный сценарий, - как дурили моего папашу...» [1.3., с. 69].

Также посол Баху выставлен в ироническом свете: «Он выглядит, подумал Уилл, пожимая послу руку, как Савонарола, но Савонарола с моноклем и в костюме от одного из лучших лондонских портных». «Его манеры говорить и

держаться были учтивыми почти до степени иронии, пародии на смирение и самоуничижение» [1.3., с. 78].

В романе противопоставлены обычная фанатичная вера (Рани, Баху) и религиозная вера (жители Палы). И так как государством будет править Муруган, религиозную веру заменят обычной. Для пояснения нам необходимо описать образ жизни островитян и влияние их веры на благополучие жизни.

1.2. Идеи и традиции «Дивного нового мира» в утопии «Остров»

В антиутопии «О дивный новый мир» Хаксли критикует западный потребительский мир. В гиперболизированной форме автор рисует нам будущее нашего мира. При условии, что бездуховность и потребительство будут дальше поощряться.

Хаксли изображает общество, лишённое свободы и права выбора. Вместо этого он милостиво предлагает жителям Лондона «абсолютное счастье».

Однако что кроется за этим счастьем?

В «дивном новом мире» для всеобщего благополучия и счастья необходимо избавиться от определенных «ненужных явлений»: болезни, любви, семьи, проблемы «отцов и детей», творчества и искусства и т.д. Очевидно, необходимо устранить все то, из чего состоит жизнь человека. А взамен придется пожертвовать нечто более ценным – свободой: у жителей попросту не будет свободы выбора, свободы любить, творческой свободы и т.д.

Антиутопия Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» опубликована в 1932 году и была не единственной: в 1920 году была написана антиутопия Евгения Замятина «Мы», которая дала надежду на здравомыслие неудовлетворенным

своим государством людям. Данные произведения послужили катализатором на произвол советской власти. Писатели делали, что могли. И вот мы видим, как антиутопии одна за другой выходят на свет, выражая недовольство их создателей правящей верхушкой. Как говорится в эпилоге «Скотного двора» Дж. Оруэлла: «Все животные равны. Но некоторые животные более равны, чем другие».

Необходимо начать с истории «дивного нового мира»: после жестокой и кровопролитной девятилетней войны нового и старого миров наступила Эра Форда. Хаксли присвоил своему миру имя знаменитого американского инженера Генри Форда. В этом мире Иисус Христос заменен Генри Фордом, вера и знания – инновационными технологиями. Летоисчисление же ведётся с года выпуска модели автомобиля «Форд Т». Существует обращение, выказывающее уважение к вышестоящей особе – «ваше фордейшество», а также брань – «форд с ним», «форд его знает». В начале подобные «ругательства» кажутся забавными, но под конец ощущается оглушающий эффект жанра антиутопии. Как бы устрашающе все это ни звучало, но люди просто-напросто заменены машинами. Людей же самих выращивают в пробирках.

В мире Хаксли существует два Ф – Форд и Фрейд. Из слов главноуправителя этого мира, Мустафы Монда, мы узнаем, что Форд и Фрейд для жителей – один и тот же человек. Австрийский психоаналитик, основатель психоанализа у Хаксли оказывается тоже «виноватым» в устройстве нового мира. Прежде всего, развитие получили его выделение специфических фаз психосексуального развития личности и создание теории эдипова комплекса (больше это проявляется в отношении главного героя – Джона). Разрушение института семьи – вот в чем кроются «заслуги» учения Фрейда, а разработка клонов – это уже дело рук Форда. Удивительно, что Хаксли, потомок ученых, выступает в резко отрицательном ключе развития науки.

Будущее является местом, где все живое находится под строжайшим запретом. Абсолютно все создается искусственно, и новые люди не являются исключением: они больше не живородящие. Деторождение не устранили полностью, но все же такой способ появления на свет человека находится под строжайшим запретом. Оплодотворённые искусственным способом яйцеклетки выращивают в специальных Инкубаториях. Этот процесс носит название «эктогенез».

До Эры Форда изобретение неких Пфитцнера и Кавагучи было невозможно применить, потому как запрещено было нормами морали и религии. По крайней мере, в книге упоминаются христианские запреты. А теперь никаких запрещающих обстоятельств нет, людей производят согласно следующему плану: сколько особей того или иного типа необходимо обществу на данный момент, столько и создается, или же «выращивается». Подобный процесс «деторождения» делает возможным отказ от социальных и гендерных неравенств, однако кастовая система в антиутопическом мире как раз и является основным качеством.

Существует пять разных каст: альфы, беты, гаммы, дельты и эпсилоны. В этой классификации альфы – люди первого сорта, работники умственного труда, а эпсилоны – люди низшей касты, способные лишь к однообразному физическому труду.

Посмотрим на пример влияния основ кастового самосознания: «...ходят в зеленом, - с полуфразы начал тихий, но очень отчетливый голос, а дельты – в хаки. Нет, нет, я не хочу играть с детьми-дельтами. А эпсилоны еще хуже. Они вообще глупые, ни читать, ни писать не умеют. Да еще ходят в черном, а это такой гадкий цвет. Как хорошо, что я бета... Дети-альфы ходят в сером. У альф работа гораздо трудней, чем у нас, потому что альфы страшно умные. Прямо чудесно, что я бета, что у нас работа легче. И мы гораздо лучше гамм и дельт. Гаммы глупые. Они ходят в зеленом, а дельты в хаки...» [1.2., с.4041].

Наблюдаем снобизм в чистом виде, но не для мира Хаксли. Для мира Хаксли это всего лишь порядок вещей. Они растут в государственных обучающих центрах, как подопытные грызуны: «Няни побежали выполнять приказание и минуты через две возвратились; каждая катила высокую, в четыре сетчатых этажа, тележку, груженную восьмимесячными младенцами, как две капли воды похожими друг на друга» [1.2., с. 29].

Обучение младенцев ведут с помощью гипнопедии, которая, кстати, присутствует и в утопии «Остров». Во время сна им включают записи с догмами «дивного нового мира» и нормами поведения той или иной касты. Поэтому каждый с детства знает гипнопедические поговорки: «Каждый принадлежит всем», «Сомы грамм – и нету драм», «Чистота – залог благофордия». Также маленьких людей с детства учат сексуальной свободе, поощряются «игры» с противоположным полом. В этом мире стыдно и неправильно встречаться с кем-то одним. Это вызывает осуждение и порождает сомнения. И мужчины, и женщины периодически меняют партнеров. Таким образом они стараются избежать любых проявлений чувств привязанности и любви, что в любом случае приводило бы к страданиям.

В данном случае мы могли бы и согласиться с суждением Хаксли. Любая привязанность рано или поздно доставляет боль. Но не будем забывать, что человек – существо социальное и, он не создан для одиночества, хотя мы и не можем отрицать пользу одиночества, но никак не отшельничества. Достаточно вспомнить Робинзона Крузо, который остался Человеком, пройдя нечеловеческие испытания, и при этом он смог обрести большее счастье, чем если бы послушался отца и жил спокойной жизнью. Человек выбрал свой путь и прошел его до конца.

«Стабильность, устойчивость, прочность. Без стабильного общества немислима цивилизация. А стабильное общество немислимо без стабильного члена общества» [1.2., с. 60-61].

Главное в мире Форда – это гарантированное стопроцентное счастье, в данном же случае – комфорт, который может предоставить наука. Секрет успеха незнания жителей этого мира о происходящем вокруг весьма прост – человека к ней готовят в зародышевом состоянии. Ящик Пандоры – система инкубаторов, где выращивают представителей разных слоев общества, им прививают различные социальные роли. А самое главное – никто никогда не выразит недовольство своим положением в обществе. Любая неприятная ситуация, любой стресс решаются приемом особого наркотика – сомы, который в зависимости от дозировки позволяет забыть любые проблемы. Заметим, что в данном произведении сома обозначена как наркотик, тогда как в «Острове» жители также принимают подобные таблетки (мокша), которые они называют не иначе как лекарством.

Надо сказать, что в антиутопическом мире Хаксли в рабстве своем далеко не равны все «счастливые младенцы». «Гармония» между человеком и обществом достигается за счет предварительного уничтожения в человеке всех тех изначальных интеллектуальных и эмоциональных предрасположенностей: это и обработка мозга будущих рабочих, и внушение им ненависти к природе и книгам посредством электрошока.

В той или иной степени, несвободны от «адаптации» все обитатели этого тоталитарного мира, независимо от принадлежности к определенной касте. Смысл данной иерархии заключен в словах Главноуправителя, адресованных дикарю: «Общество же целиком состоящее из альф, обязательно будет нестабильно и несчастливо... Альфы могут быть вполне добротными членами общества, но при том лишь условии, что будут выполнять работу альф. Только от эпиллона можно требовать жертв, связанных с работой эпиллона, - по той просто причине, что для него это не жертвы, а линия наименьшего сопротивления, привычная жизненная колея... Конечно, каждый из нас проводит свою жизнь в бутылки. Но если нам выпало быть альфами, то бутылки

наши огромного размера сравнительно с бутылками низших каст» [1.2., с. 300-301].

Альфы не управляют этим миром, это очевидно. Они абсолютно слепо счастливы в своей несвободе. Примечательно, что генетические сбои дают возможность мыслить нестандартно, за гранями бесконечных приказов и установок. Как, к примеру, главному герою – Бернарду Марксу. Он не до конца понимает, к чему стремится, однако наличие стремления уже отличает его от «нормальных» представителей класса «альфа».

Разумеется, в мире Форда существуют определенные люди, которые прекрасно понимают, что происходит с этим миром. Это так называемые «главноуправители мира». «Главнууправители» - это те самые люди, которые знают гораздо больше остальных об этом мире, и для блага их же жителей скрывают всю правду. Мы знакомимся с одним из них в начале произведения. Главнууправитель Мустафа Монд внушает трепет и уважение с первого момента. Естественно, Монд осведомлен гораздо больше своих поданных, что и придает загадочность его личности. Мало того, он способен оценить тонкую мысль, смелую идею или революционный проект. У него имеются запрещенные книги, также он может без труда цитировать Шекспира. В свое время он пожертвовал своей мечтой «ради счастья и блага людей».

Другая группа людей, лишенных свободы, но не имеющих понятия, что происходит, – это дикари. Они живут в резервациях и отделены от цивилизованного мира полностью. Их нравы и понимание мира остались на прежнем уровне. Они также счастливы в своем незнании другого мира, им это не нужно попросту. Индейцы абсолютно естественные люди, в понимании Хаксли.

Конфликт антиутопии состоит в том, что дикарь видит этот «новый дивный мир», который давно манил его к себе, и не может принять его

шаблонность, однообразность и течение жизни. Дикарю не чужды страсти, тем более – чувства, однако прогресс мира ему не нужен. Прогресс, к сожалению, основная составляющая чужого ему мира.

Во время беседы с дикарем Главноуправитель поясняет, что он пользуется привилегией нарушать правила, ведь именно он устанавливает законы. Понятно, что мнения и видение мира дикаря и Монда в корне разнятся, хотя и присутствует некое понимание порывов дикаря у Главноуправителя.

В общем, по нашему мнению, для идеального общества будущего нужна программа, план, но отнюдь не индивидуальности. Это подтверждают главные идеи, представленные в антиутопии. Каковы особенности антиутопии как жанра?

Во-первых, взгляд на историю, на прошлое как на бесполезное наследие. Все мыслимые и немыслимые достижения до Форда (нового Бога) безапелляционно перечеркнуты. Прошлого не существует, будет другая история. У Дж. Оруэлла в «1984» история также нещадно уничтожалась еще более изощренными способами. Вышестоящие просто переписывали историю. Человеку необязательно знать ошибки прошлого, чтобы строить утопию.

Во-вторых, отказ от социального института семьи. В «дивном новом мире» слова «мать» и «отец» приравнивались нецензурностям: «господь наш Фрейд (Форд) первый раскрыл губительные опасности семейной жизни...» [1.2., с. 175]. Как мы знаем, именно семья и близкое окружение в основном формируют человека как личность. Нет семьи – нет и личности.

И в-третьих, – уничтожение искусства и науки: «Эту цену нам приходится платить за стабильность. Пришлось выбирать между счастьем и тем, что называли когда-то высоким искусством. Мы пожертвовали высоким искусством. Мы науку держим в шорах. Конечно, истина от этого страдает. Но

счастье процветает. А даром ничего не дается. За счастье приходится платить» [1.2., с.196].

Как мы выше упомянули, сам Главноуправитель этого мира, Мустафа Монд, отказался от своей мечты стать ученым. Рационализм выше всяких сентиментальных мечт. Антиутопии часто напоминают литературу классицизма своими установками на правила, а вот насчет *cogito ergo sum* все наоборот.

А.М. Зверев в статье «Чему нас учат антиутопии» выделил основные черты антиутопии: 1) изображение насилия над историей, которую упрощают и укрощают; 2) насилие над природой, которая понимается как среда обитания человека, над окружающим человека космосом и над самим человеческим естеством; 3) антиутопия ставит человека перед нравственным выбором в последний час природы [2.13., с. 43].

Путь антиутопии Хаксли таков: люди будут насильно счастливы, но не узнают об этом благородном решении вышестоящих инстанций. Их «счастье в пробирке» незыблемо и неприкасаемо. А последним потомкам дикарей остается прозябать в своих резервациях: принять такой мир здравомыслящий человек просто-напросто не в состоянии.

Так какие идеи и традиции «унаследованы» утопией «Остров» от антиутопии «Дивный новый мир»?

Следует уточнить, что «Остров» написан 30 лет спустя после «Дивного нового мира», и совершенно очевидно, автор внес существенные правки относительно проблем современного ему общества.

Выясним для начала, целесообразно ли сравнивать и тем более выявлять какие-либо традиции антиутопии в утопии. Очевидно, традиции присутствуют, потому как именно утопия и породила антиутопию. Следует

взять во внимание тенденцию инверсии. Проще говоря, в антиутопии все наоборот.

Итак, на первый план мы ставим героя чужака, который знакомится с новым миром. Жанр утопии как раз и предполагает столкновение именно одного человека с другим, неизвестным миром. Также при чужаке присутствует проводник, который знакомит его со своим миром. Позже эту традицию и перенял жанр антиутопии.

В «Дивном новом мире» героем является дикарь Джон. Он вырос в резервации и ничего практически не знает о цивилизованном мире и обманывается своими ожиданиями. Проводник в мир иной – Бернад Маркс. Бернад – альфа, которая из-за генетической ошибки, является физически неполноценной альфой. Проводник не из добрых намерений показывает свой мир дикарю, Бернаду необходимо было возвыситься над остальными альфами, для чего он и пригласил Джона в свой мир (в качестве циркового животного).

Во-вторых, идея развития общества. В антиутопии идея выражена в отрицательном ключе, то есть показан результат негативного развития настоящей ситуации. В утопии же реализуется возможный позитивный исход каких-либо идей.

В-третьих, проблема власти. В «Дивном новом мире» власть принадлежит рациональному и расчетливому Мустафе Монду, тогда как в «Острове» на престол вступает испорченный влиянием своей псевдорелигиозной матери, Муруган.

2. УТОПИЯ «ОСТРОВ» О. ХАКСЛИ

2.1. Феномен острова в мировой литературе

«Человек – не остров
но каждый, целиком, -
обломок континента,
часть простора» Д.
Донн

Художественный феномен острова в мировой литературе первоначально был связан с жанром утопии: Т. Мор использовал образ острова в своем романе «Утопия». И конечно, известные нам Дж. Свифт («Путешествия Гулливера»), С. Батлер («Едгин»), У. Голдинг («Повелитель мух») успешно продолжили заданную традицию. Остров предполагает отделенность от всего мира, отчуждение.

Джек Тресиддер возводит символику острова к индуистской традиции, где остров был «образом духовного мира в хаосе материального существования» [2.29]. Попадая на остров, человек неотвратимо меняется. Не случайно на островах чаще всего происходят глобальные изменения в сознании, озарения и переломы мировоззрения.

В нашем понимании, остров выступает в качестве «рычага» духовных возможностей. Тресиддер ссылается на Юнга, напоминая о его характеристике острова как убежища среди опасностей «моря бессознательного». Юнг как бы отсылает к индуистскому верованию, согласно которому остров представляется как средоточие метафизической силы, как синтез сознания и воли. С точки зрения историка культуры Тресиддера, остров имеет двойной смысл: первый – изоляция и одиночество; второй – безопасное место, убежище в море хаоса.

О метафизике острова размышляет Р.С. Патке в работе «Острова поэзии, поэзия островов» (2004). Автор интересуется последствиями попадания человека из своего привычного широкого пространства в замкнутое пространство необитаемого острова, которое является сущностью острова, образцовым островом для европейской традиции. По Патке, необитаемый остров непременно ломает и радикально меняет личность. Исследователь утверждает, что, оказавшись на острове, человек переживает символическую смерть, а затем рождается заново: «Потерпевший кораблекрушение подвергается испытанию разлукой, пребывает в изоляции от общества. Это приводит к своего рода смерти с возможным в дальнейшем возвращением к жизни и перерождением» [2.52., р. 191]. Потерпевший кораблекрушение изменяет свое мировоззрение, обретает совершенно иной взгляд на мир: «Таким образом, очутившись на острове, человек уподобляется Адаму: любой вещи, любому понятию он дает новое имя, начиная процесс переименования с самого себя» [2.52., р. 194]. Человек,

попав на остров, обладает возможностью не только освоить новое пространство, но и выстроить себя заново.

Остров всегда что-то меняет в герое, и изменения могут быть самыми непредсказуемыми. Эти изменения зависят от самого героя: если герой попал на остров по воле случая, или провидения, как Робинзон Крузо, то он обязательно непоправимо изменится, или же переродится, как сказал Р.С. Патке, если же герой, который весь состоит из чувства вины и ненависти к себе, как Уилл Фарнаби, попадает на остров, то он обязательно найдет здесь целительное лекарство и обретет покой, как и сказал Дж. Тресиддер.

Герой меняется, и это абсолютно закономерный процесс. Если же взять ситуацию с островом, то здесь происходит резкое изменение героя, по сути, происходит переломный момент в жизни героя. В романах мы наблюдаем постепенное становление героев и знаем, что должен быть переломный момент в жизни героя, который и поставит точку: Робинзон Крузо описывает себя до крушения безрассудным молодым человеком, который следовал своим ощущениям, а после – рассудительный и практичный зрелый мужчина, который вынес бесценный урок из своего заточения. Крузо без этих изменений просто не выжил бы. Он герой, соответствующий своему времени – «естественный» человек. Мы можем справедливо считать остров некой обособленной землей, которая так или иначе влияет на вступившего в нее человека. Это отдельная планета со своими законами.

Необходимо сделать оговорку: в данном параграфе мы рассматриваем произведения Хаксли не в контексте «робинзонады» (А. Аникст), так как нас интересует обособленность человека от привычной ему среды, а не от общества, к тому же нас интересует не борьба человека с природой, а влияние второй на человека, также – выявить символику острова в каждом из перечисленных произведений и определить роль мифологемы острова в мировой литературе.

Начнем с рассмотрения отношения природы и человека в романе Даниеля Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прошедшего 28 лет на необитаемом острове, описанные им самим» (The life and strange surprizing adventures of Robinson Crusoe, 1719).

Итак, Робинзон Крузо убежал из отцовского дома, чтобы «скитаться по морям и океанам». Он упоминает, что три раза ему судьба давала понять, что не следует больше выходить на море: первое плавание встретило его бурей, второе – штормом, и, наконец, третье плавание закончилось взятием в плен всю команду корабля. Однако эта заветная цифра «три» подавила его пыл всего лишь на четыре года. Он снова пускается в плавание и терпит кораблекрушение, на этот раз он будет свою ошибку раздумывать долгие двадцать восемь лет.

Для Робинзона остров представляет собой некоего врага, с которым он каждый день борется. Для выживания ему приходится изрядно потрудиться: выстроить себе жилище, найти пищу, укрыться от непогоды и т.д., однако, по мнению А. Аникста, Робинзон начинает деятельность на острове, уже обладая известными запасами знаний, привычек и навыков культурного человека, представляющих собой продукт долгого общественного развития; он обладает припасами и инструментами, также являющимися продуктами общественного развития.

При всех этих факторах мы не можем отрицать амбивалентность функции острова: остров хоть и является тюрьмой Крузо, при этом он является еще и спасителем его жизни.

Ситуация Крузо полностью совпадает с объяснением Дж. Тресиддера о функциях острова, что мы и указали выше.

Уилла Фарнаби же случайно занесло на яхте на остров: он так же потерпел кораблекрушение. Его находит местная девочка, далее он знакомится

с жителями острова и самим островом. В данном случае остров уже является не врагом, а спасителем и неизвестным объектом, которого наш герой имеет желание изучить. Остров в произведении Хаксли являет собой дружелюбность и спасение конкретно жизни Уилла.

Вспомним также роман Джона Фаулза «Волхв» (1965): Николас Эрфе приезжает на греческий остров Фраксос с целью преподавать. Снова наблюдаем ситуацию знакомства пришельца с местными жителями. Остров (город) безлюден, скучен и однообразен, по мнению героя. Спустя время, герой узнает о некоем Кончисе, который живет в уединенном замке. Разумеется, ему стало любопытно разузнать о нем. Снова наблюдаем знакомство, снова появляется проводник. Затем в действие включается «прекрасная незнакомка», которую герой ошибочно принимает за свою спасительницу.

Немного предыстории: герой незадолго до приезда на остров влюбляется в девушку. Отношения у них весьма непростые, и герой, ощущая уколы совести и при этом предвкушая сладость свободы, уезжает. Он не перестает о ней думать. А тем временем выясняется, что «прекрасная незнакомка» и Кончис, который оказался профессором-психиатром, ставили психологический эксперимент на нашем герое.

Непросто было бы разобраться в данной ситуации, если бы не объяснение автора о том, что главный герой является прообразом Тесея, который пытается найти выход из лабиринта, Ариадной же является его подруга Алисон. К этому выводу он приходит, пройдя все испытания, заданные автором. Автор благополучно прятался за маской Кончиса. Известный нам прием постмодернистской литературы.

Таким образом, остров в этом романе воплощает собой лабиринт, из которого должен выбраться герой и сделать правильные выводы. И как раз этот

лабиринт помогает разобраться с ситуацией с Алисон, так как герой сомневался в ней.

Уместно также привести суждения Фаулза о так называемом «островном» менталитете, приведенные в его эссе «Острова» (1978): «В терминах сознания и самосознания каждый отдельный человек это как раз и есть остров, несмотря на знаменитую проповедь Донна... Всем обитателям островов свойственно ощущение собственной принадлежности к некоей утопии, к этакому социальному счастью и независимости, основанными на взаимовыручке и сотрудничестве» [Джон Фаулз. Кротовые норы. – М.: Махаон, 2002. – С.418, 420].

Данная точка зрения была высказана уже ранее в его романе «Волхв» устами Кончиса: «Да глупости. Любой из нас – остров. Иначе мы бы давно свихнулись. Между островами ходят суда, летают самолеты, протянуты провода телефонов, мы переговариваемся по радио – все что хотите. Но остаемся островами. Которые могут затонуть или рассыпаться в прах. Но ваш остров не затонул. Нельзя быть таким пессимистом. Это невозможно» [2.31., с.183].

Что касается романа Хаксли «Остров», то в нем в первую очередь подчеркивается отделенность миров Запада и Востока. Нам хорошо известна строчка из баллады Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Данную строчку используют для разделения западной и восточной культур, хотя если смотреть в контекст, смысл немного поменяется.

Хотя и философия, и образование в утопии построены на слиянии достижений различных наук и Запада и Востока, разница между представителями этих культур колоссальная. Хаксли снова расставляет все точки над *i* в начале повествования, включая в действие совершенно отличного от пришельца героя, доктора Роберта МакФейла.

Доктор МакФейл с первых его слов не одобряет манеру речи Уилла: «Когда вы смеетесь подобным образом, - заметил он нейтральным тоном ученогонаблюдателя, - ваше лицо приобретает до странности отталкивающее выражение» [1.3., с.26].

Любой человек сказал бы, что это элементарная бестактность, но именно замечание доктора Роберта приводит в замешательство и раскрывает личность незваного гостя.

Следует заметить, главный герой не имеет цели хоть каким-то образом понравиться жителям острова, вместо этого он высказывается весьма саркастично и иронично, о чем бы ни шла речь. Заметна антитеза: дружелюбные палийцы и чересчур ироничный англичанин. Особенно запальчиво он высказывается о своей семье, которая и послужила причиной его несчастий в жизни. Хаксли снова ссылается на Фрейда с его известным постулатом «все проблемы идут из детства». Жители Палы так же знакомы с учением Фрейда, но они сумели использовать его методы с пользой. Считаем, что автор ввел в произведение психоанализ для ясного определения типа личности Уилла Фарнаби. Данную проблему мы подробно рассмотрим в следующей главе.

Итак, сделаем вывод: функция острова в данном произведении – показать различия не культур, а мировоззрений и характеров.

Дональд Уотт также пишет о символике в «Острове»: «Хаксли также стоит символический паттерн в «Острове», основанном на древней традиции гор в значении стремления и достижения» [Watt, Donald J. "Vision and Symbol in Aldous Huxley's Island." Twentieth Century Literature, vol. 14, no. 3, 1968, pp. 149–160.].

А.В. Луговской рассматривает остров в контексте архетипов. Он рассматривает концепт островности и связывает данный концепт с крещением,

так как с мифологемой острова обязательно связана также и мифологема воды: «В художественной литературе архетипический образ крещения представлен мотивом кораблекрушения, когда герой или героини оказываются на острове. Яркими примерами являются такие произведения английской литературы, как «Буря» У. Шекспира, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Приключения Гулливера» Д. Свифта. Так, например, Герой Дефо размышляет после кораблекрушения: I was now landed, and safe on shore, and began to look up and **thank God** that my life was **saved** I believe, it is impossible to express, to the life, what the ecstasies and transports of the **soul** are, when it is so saved, as I may say, out of the very **grave**.»

[Луговской Александр

Витальевич Архетипический компонент в содержании концепта островность (на материале английской художественной литературы) // Вестник КемГУ. 2015. №1-4 (61)].

Луговской расценивает спасение после кораблекрушения Крузо как возрождение, спасение души. С чем мы полностью согласны, выше мы говорили о душевных метаниях героев, которые попали на остров и которые получили покой.

Также Луговской связывает островность с потопом: «Потоп в некотором смысле – это акт крещения универсального характера. Человечество будто возвращается в некоторую изначальную точку своего бытия после странствия по водам мирового океана и нахождения суши в виде вершины горы Арарат» [2.17.].

Как мы знаем, всемирный потоп фигурировал в романе «История мира в 10 1/2 главах» Джулиана Барнса (1989). Роман состоит из 10 с половиной глав, в котором интертекстом прослеживается тема всемирного потопы. Так или иначе все повторяется, просто в другое время и с другими людьми. Автор рассуждает о истории (глава «Интермедия») и современном потребительском обществе (глава «Сон»), но вывод один: все мы связаны узами древней

истории, и новой истории не суждено свершиться. Глава «Гости» повествует о захвате туристического корабля арабами. Они хотели обменять пленных на своих задержанных западными правительствами собратьев. Интертекстом служит разделение на чистых и нечистых, как в ноевом ковчеге. Пленных начали разделять: ирландцы, шведы и японцы были в числе чистых, американцы, англичане, французы, итальянцы и канадцы были добавлены в категорию нечистых. Не смогли они ступить на землю, их убили.

В главе «Гора» мисс Фергюссон несколько раз сталкивается с мифологемой воды и островности: в первый раз, когда увидела на выставке картину Теодора Жерико «Плот «Медузы»», повествующая о кораблекрушении фрегата «Медуза» и выживанию тех, кто уцелел, во второй раз, когда специально едет на Кавказ, взбирается на гору Арарат, чтобы найти ноев ковчег.

В романе Барнса всемирный потоп (мифологема воды) и высаживание на остров, землю означает не спасение и возрождение, а историю, древнюю историю, которая не учит новому, а повторяет все старое. «Любая басня хороша, пока не расскажут следующую» («Улисс» Дж. Джойс), да только следующая точно такая же, просто с другими героями.

Стоит учитывать тот факт, что Джулиан Барнс – представитель постмодернистской литературы, которая существенно отличается от литературы эпохи Просвещения и уж тем более от эпохи Возрождения.

Заметим, что феномен острова так же претерпел эволюцию: если литература XVIII века описывает нам остров как символ отчужденной земли и врага (в первую очередь), то в XX веке остров рассматривается как архетип матери-земли.

Мифологема острова в литературе имеет немаловажную роль. Остров символизирует бесповоротные изменения в жизни человека, прохождение

испытаний (душевных или физических). Остров раскрывает личность героя в совершенно непривычных для него условиях, или же изменяет его.

2.2. Остров Пала как отдельное идеальное государство

Карл Густав Юнг в «Архетипах и коллективном бессознательном» пишет: «Мы позволили рухнуть дому, который выстроили наши отцы, а теперь пытаемся проникнуть в восточные дворцы, о которых наши предки не имели ни малейшего понятия» [2.36., с. 28-29].

Разумеется, это сказано в контексте символов, или же архетипов. Если понимать эти слова буквально и переставить на утопию «Остров», можно подумать, что это и есть описание путешествия Уилла Фарнаби на остров Пала. В самом начале автор выстраивает ситуацию таким образом: человек

взбирается на скалу, спасаясь от змей, при этом ощущая сильную боль от падения. Ситуация такова: нежеланный гость вступает в чужие земли.

Прежде всего, нам необходимо начать с истории острова Пала. В середине XIX века правитель Палы Старый Раджа и шотландский врач Эндрю МакФейл разработали масштабную программу-философию. Никаких новых идей они не предлагали: они просто собрали воедино то, что считали лучшим из колоссального опыта человечества, и использовали в надежде дать людям свободу и счастливую жизнь. На Пале экономики нет как таковой, вместо этого она обладает совершенным сельским хозяйством и контролем за рождаемостью. А также присутствует абсолютная «естественность» цивилизации, которого Запад лишен. Попросту говоря, человек ощущает себя не покорителем или жертвой Природы, а самой ее частью. Прослеживается руссоизм.

К слову, природа в произведениях Хаксли безразлична к людям: в «Дивном новом мире» Линда, мать Джона, свалилась со скалы, отец Джона, директор Инкубатория, ушиб ногу и остался хромым на всю жизнь. И Уилл, который нелепо упал с высоты. Хаксли ясно показывает нам бессилие человека перед природой.

Ход истории направляют совместными усилиями представители двух цивилизаций. Хотя «Запад есть Запад, Восток есть Восток», они все же образуют тандем, и новая история острова Палы вырастает из символической встречи двух культур, из синтеза всего лучшего, чем эти культуры обладают. Об этом мы упоминали в предыдущем параграфе.

О философии палийцев Е. Апенко пишет: «Не борьба противоречий, даже не их диалектическое единство, а гармония является первоосновой мироощущения Пребывающих во Благе единства мироздания и человека. Они

принимают мир как он есть в буквальном смысле слова, их жизнь разворачивается во всей полноте «здесь и сейчас». Человек выходит из «тюрьмы своего эго» и открывается миру, а мир открывается человеку» [2.2., с. 13].

Существует категория йоги любви и гипнопедия. Гипнопедик помогает проявить индивидуальные способности человека, ускорить обучение и познание. Так и просится выражение «все для блага людей». Островитяне используют и павловскую систему выработки условных рефлексов «во имя благих целей дружбы, доверия, сочувствия», а не для «промывания мозгов». Снова хлесткий упрек в сторону ученых Запада.

Искусственное оплодотворение также имеет цель, противоположную той, что мы знаем из «Дивного нового мира». Институт семьи сохранен, более того – изменен так, чтобы была гармония между родителями и детьми. И, конечно, семейные отношения выстроены так, чтобы было хорошо детям. Существует так называемый КВП (клуб взаимного приятия) – жители согласовались принять любого ребенка, который не захотел жить у своих родителей. Логика проста – весь остров является родней для ребенка, и ребенок может спокойно зайти ночевать к соседям, и это является нормой, родители не потеряют его, не будут беспокоиться.

И. В. Головачева считает, что «в «Острове» палийцы описаны с симпатией не только потому, что они исповедуют наиболее привлекательную для О. Хаксли религию, но и потому, что они прекрасно образованы» [2.9.].

Вспомним маленьких детей, знакомых с психоанализом в принципе и навыками психологической помощи первому знакомому. Что же говорить о взрослых.

Мы согласны с утверждением И.В. Головачевой: Хаксли занимался изучением различных психотехник в теории, и на практике. Он на собственном примере

понимал, какие колоссальные трудности приходится преодолевать даже подготовленному западному сознанию.

Также И. В. Головачева пишет: «Хаксли комментирует очевидные достижения скиннеровского необихевиоризма. По всей видимости, писатель, несмотря на нелюбовь к бихевиоризму, все же находил здоровое зерно в стремлении научно изменить личность, изменив окружение» [2.11.].

Б.Ф. Скиннер исходил из того, что развитие есть научение, которое обусловлено внешними стимулами. Он полагал, что замещение нежелательных поведенческих стереотипов повторяющимися желательными (положительными) реакциями на специфические стимулы является эффективной терапией. Таким способом можно корректировать нежелательное поведение и сформировать положительные навыки общения. Однако подобный способ работает и в обратную сторону.

Сцена знакомства Уилла с местной девочкой демонстрирует использование методов необихевиоризма:

- Расскажите мне еще раз о тех змеях и своем падении.

Он помотал головой:

- Не хочу.

- Разумеется, не хотите, - сказала она. – Но вам необходимо это сделать. Вспомните, как вы были маленьким мальчиком, - говорила между тем Мэри Сароджини. – Что делала ваша мама, когда у вас что-то болело?

Мать обнимала его и причитала: «Мой бедный малыш, мой бедный сыночек...».

- Она делала с вами такое? – В голосе ребенка прозвучало неподдельное изумление. – Но ведь это ужасно! Так можно только усилить боль. «Мой

бедный малыш», - повторила она презрительно. – Наверняка у вас боль продолжалась потом часами. И вы уже никогда не забывали о ней [1.3., с.21].

Мэри Сароджини оказала «первую психологическую помощь», как потом объяснит доктор МакФейл. Подобная практика у них является нормой.

Или другой пример использования необихевиоризма: «Поглаживайте ребенка, когда вы его кормите: это доставит ему двойное удовольствие. Потом, пока он сосет и его ласкают, познакомьте его с животным или человеком, к которому вам бы хотелось расположить его. Пусть и они прикоснутся к ребенку, пусть он почувствует их физическое тепло. В это же время повторяйте: «добрый», «хороший» [1.3., с. 337].

Философия и мировоззрение островитян предполагает отсутствие девиантных личностей. По этой причине на острове нет людей с каким-то отклонением и травмами, которые остаются на всю жизнь. Точнее они есть, но их эффективно вылечивают. Однако мы замечаем парадокс: основная перипетия в «Острове» построена именно на «сбое в поведенческой программе». Данный сбой проявляется на будущем правителе Палы – Муругане, который не поддавался традиционному воспитанию островитян. Он оказал стойкое сопротивление любым положительным воздействиям. Заметим, что было бы удивительно, будь эта система идеальной, без единого изъяна.

Финал «Острова» является в той или иной мере сознательным откликом на «Уолден Два» Скиннера*, считает И.В. Головачева.

---

*В книге автор призывал к коренному переустройству всего общественного порядка и выдвигал свою сциентистскую концепцию общества будущего. По Скиннеру, общество должно быть перестроено на основе бихевиористского принципа подкрепления.

Демократический строй Палы, который ратовал за мир во всем мире, в результате все же был свергнут. Тому приводим два фактора. Первый: нахождение по соседству с Палой милитаристского государства с деспотической формой управления. Полковник Дипа, правитель этого государства, жаждал политической и экономической власти над богатой нефтяными залежами Палой.

Второй: педагогическая и психотерапевтическая неудача палийских воспитателей наследного принца, который является политической марионеткой при диктаторе соседней державы.

Характер и семейная история Муругана оказались нелегкой проблемой для местных психологов, применивших, очевидно, почти весь спектр воспитательно-терапевтических методик, но, к сожалению, недооценивших эффективность разработанных Скиннером приемов. Немалую роль в данном случае играет и то, что палийские правители, предвидев такой печальный исход для государства, тем не менее намеренно не стали налаживать производство оружия. Также совершенно очевидно, что население Палы абсолютно не готово к сопротивлению захватчикам.

Следовательно, власти Палы сознательно шли на риск, полагая, что, иные действия являются нарушением буддистского принципа «недеяния», и что им придется принести в жертву идею пацифизма – Хаксли, как известно, много десятилетий был активным противником любой войны.

В книге «Йога и Запад» (1936) Юнг обращает внимание читателя на то, что «индеец никогда не забывает ни о теле, ни об уме, тогда как европеец всегда забывает то одно, то другое. Европеец располагает наукой о природе и удивительно мало знает о собственной сущности, о своей внутренней природе» [2.37., с. 228]. Юнг рекомендует обратиться не только к восточной мудрости, но и к собственной душе, заново открывая в себе естественного

человека. Он предупреждает об опасностях, подстерегающих тех, кто стремится бездумно привить восточную мудрость на Западе, потому как всякий, кто преуменьшает достоинства западной науки, недооценивает достоинства западного сознания. По этой же причине психолог не советует заниматься йогой, потому как европеец «не так устроен и не так мыслит». Вместе с тем он рекомендует изучать ее, сохраняя надежду, что со временем Запад изобретет «собственную йогу», опираясь на христианство.

Именно поэтому жители острова не норовят раскрыть свои способы избавления от тяжелых мыслей просто потому, что у Уилла отличное от них сознание.

Прочитав переводы древних текстов и современные книги с описанием даосских, дзенских и тантрических упражнений, имеющих цель концентрации и расслабления, Хаксли выявил для себя два основных способа преодоления тревожности. Первый – это мгновенный инсайт, озарение, спонтанное осознание, сатори, к которому можно прийти в результате медитаций, направленных на познание и созерцание своей истинной природы и собственных скрытых возможностей. О молниеносном наступлении инсайта можно лишь грезить. В большинстве случаев подобного скорейшего просветления добиваются годами, культивируя в своем успокоенном сознании ясное чистое представление о человеческой природе и скрытых в ней возможностях, а также тренируя тело и его связь с сознанием специальными методами.

Второе действенное средство от тревожности, по Хаксли – практика недеяния и безмолвия (состояние безмыслия и невмешательства в поток образов и внешних событий в дзэн-буддизме и даосизме). Однако Хаксли осознавал, что второй путь полностью противоречит стилю жизни цивилизованного Запада. Он надеялся, что когда-нибудь психологи получат экспериментальные

данные, объясняющие процесс медитации и действие упражнений, направленных на контроль сознания.

Главный совет Хаксли: прежде, чем устремиться к трансцендентному, предпринять «путешествие в Страну Востока», человеку следует сначала стать полноценной личностью, здоровой физически и психически, полностью осознающей себя и окружающий мир, понимающей свои истинные цели. Для человека Запада кратчайшим путем осознания себя является вовсе не обретение рациональной жизненной философии через чтение и образование, а новейшая гуманистическая психотерапия. Гипноз также не исключается. Как известно, гипноз и психотерапия – это западные открытия.

Островитяне не учат Уилла Фарнаби йоге, а лечат его с помощью гипноза Эриксона и гештальт-терапевтических приемов. Они говорят с ним так, словно они не буддисты и йогины, а ученики всех известных ученых разных областей того времени. Однако дело вовсе не в том, что палийские целители решили, что так будет лучше для больного, а в том, что и сами они являются продуктом межкультурного взаимодействия.

Фальшивость того мира, что изобразил Хаксли в «Острове» лучше всего видна в сцене, в которой Уилл Фарнаби смотрит спектакль. Постановка носит символическое название «Эдип на Пале». Постановка преследует цель высмеять фрейдистское толкование истории Эдипа. Неуклюжее и невинное театральное действо призвано подтвердить преимущество местного восточного мировоззрения.

По мнению И.В. Головачевой, «Остров» – не роман о подлинном Востоке, а фантазия о поисках такого Востока, который не отпугивал бы западных интеллектуалов своей закрытостью и был бы доступен их пониманию и подражанию [2.9.].

С этим не поспоришь: утопия «Остров» - эксперимент на создание идеального государства, который включает в себя мудрость и знания двух разных культур и который в то же время был бы отличен от этих же культур. Эксперимент не удался: Пала превратилась в Соединенное Королевство Ренданга и Палы. Идеальным государство было для жителей острова, но никак не для правителей. Им нужно было другое государство и другие порядки. Словом, им мирная страна не нужна, как и не нужно счастливое население. Это отнюдь не «Дивный новый мир», который ориентирован именно на счастье людей.

Пала не участвовала в войнах, не было и богачей, не было института официальной церкви. Вот что говорит доктор Роберт о устройстве их жизни: «Наша религия основана на непосредственном опыте каждого и не поощряет веры в не подлежащие проверке догмы, как не приветствует эмоций, которые подобная вера вызывает. И наряду с трансцендентальным опытом мы систематически культивируем скептицизм. Мы учим детей не относиться ни к каким словесам слишком серьезно, поощряем анализ всего, что они слышат или о чем читают, это важная составляющая наших школьных программ. Результат: красноречивый демагог вроде Гитлера или нашего соседа через пролив полковника Дипы не имеет никаких шансов на успех в нашей стране» [1.3., с.257].

К Уиллу вдруг приходит понимание того, за что ненавидит посол Баху жителей острова: «И внезапно он смог почти до конца понять, почему мистер Баху так ненавидел этих людей. Почему он так стремился (во имя Господа, разумеется) уничтожить их. Они были слишком хорошими – вот в чем заключалось их главное преступление. Подобное просто недопустимо» [1.3., с.339].

Таким образом, идеальная страна оказалась не в силах защититься от узурпаторов. Может быть, такие установки и устройство жизни были бы

уместны при другой системе власти, демократии, например, а не монархии и олигархии.

Можно утверждать, что эксперимент с идеальным государством так же потерпел неудачу, как и породил новые идеи и мысли для будущего.

2.3. Проблематика «Острова»

Проблемы современного Хаксли общества в гиперболизированной форме были описаны в «Дивном новом мире», но спустя почти 30 лет, он предложил решение новых проблем в утопии «Остров».

Хаксли пишет в «Возвращении в новый дивный мир» (1958): «Двадцать семь лет спустя, в третьей четверти двадцатого столетия от Рождества Христова и задолго до окончания первого века эры Форда, я испытываю куда меньше оптимизма, чем в то время, когда писал «О дивный новый мир». Пророчества, сделанные в 1931 году, исполнились гораздо раньше, чем я мог ожидать. Благословенное равновесие между неупорядоченностью и кошмаром полной упорядоченности так и не наступило, и судя по всем признакам, едва ли когда-нибудь наступит» [1.1., с.7].

Немалое количество проблем было описано в «Дивном новом мире», но основополагающей проблемой являлась проблема потребительского, массового общества. В «Острове» же продемонстрирована попытка решения нескольких проблем: во-первых, методов обучения школьников (у палийцев был совершенно другой подход к изучению наук); во-вторых, медицины; в-третьих, института семьи; в-четвертых, устройства государства; в-пятых, религии.

Особняком между этими проблемами стоит проблема личности. Без цельной личности невозможны все пять аспектов. И точно также без этих аспектов не может существовать цельная личность.

Как мы уже упоминали, философия и мировоззрение палийцев построены на синтезе западной и восточной культур. Хаксли предложил модель государства, который не был бы сосредоточен только на одной культуре.

Сам Хаксли пишет в своей статье «Новый романтизм»: «Наша эпоха неопределенна и разнолика. Нет ни одной доминирующей литературной, художественной, философской тенденции. Повсюду мешанина идей и столкновение теорий. Но во всей этой разноголосице можно различить один и тот же занимательный мотив, повторяемый в миноре и мажоре разными инструментами во всех земных пределах. Это мелодия нашего нового романтизма» [2.46., p. 251].

Начнем с рассмотрения методов обучения детей в школах Палы. Уиллу устраивают экскурсию по местной школе, так как он заинтересовался методами изучения разных предметов учеников. Уилла в первую очередь интересует предназначение мальчиков и девочек на Пале. Он считает, мальчики и девочки предназначены в Америке для того, чтобы стать массовыми потребителями, в России и Китае – для усиления мощи государства: «Они нужны как пушечное мясо, промышленное мясо, сельскохозяйственное мясо или мясо для строительства дорог» [1.3., с. 358].

Узнаем ноты Л. Н. Толстого: князь Андрей назвал солдат «пушечным мясом».

Заместитель министра образования, мистер Менон объясняет Уиллу, что истинное предназначение мальчиков и девочек на Пале состоит в самореализации, в становлении как полноценных человеческих личностей.

Мистер Менон продолжает: «...наши дети сейчас получают как бы два образования. Они постепенно готовятся к дальнейшему приобщению к сложному трансцендентному единству с другими чувствующими и мыслящими существами, но в то же время на занятиях в классах психологии и физиологии познают, что любой из нас обладает своим уникальным строением. Что каждый хоть чем-то, но отличается от другого, себе подобного» [1.3., с. 360].

Естественно, методы обучения на Западе были прямо противоположны методам палийцев. На вопрос «как же они используют тот факт, что один человек не похож на другого», мистер Менон отвечает, что для начала они определяют с психологической, биологической и творческой стороны возможности ребенка, чтобы затем развить его индивидуальные способности и таланты, вне зависимости от того, с физической или умственной стороны ребенок проявляет умения. Отбираются самые застенчивые и неуверенные в себе дети, и создается группа, которая постепенно увеличивается. В группу включаются ученики, склонные к излишней и неразборчивой общительности, а затем – личности, которые уважают только силу и имеют задатки агрессивности. Что в итоге спустя некоторое время дает положительный результат.

Эти их различия демонстрируются не только в теории, но и на практике. Существует аналогия с животными – детям задают вопрос: «Кто ты как личность из этих животных?». Кошки одинокие, овцы любят сбиваться в кучу, куницы бывают злы и неустрашимы. Затем идет привязка характеров к религиозным наклонностям: люди-кошки предпочитают уединение, и потому их личный выбор обычно делается в пользу самопознания; люди, близкие к овцам и морским свинкам, эмоционально более восприимчивы к обновленческим аспектам, а потому их путь – Поклонение Божеству; людикуницы стремятся к действию, и проблема их состоит в том, чтобы направить их потенциальную агрессивность в безопасное русло и т.д.

Существуют также разные виды игр и упражнений для того, чтобы «выпустить пар». Расстроенного или рассерженного ребенка не оставляют одного со своими мрачными мыслями, а направляют его негативную энергию на что-то позитивное. Также в школьную программу у них входит альпинизм. Альпинизм помогает детям понять, что существуют внутренние препятствия и цели, которые нужно преодолеть, и в этом они могут в основном надеяться только на себя.

Если вкратце резюмировать, то на Пале детей развивают умственно и физически во всех аспектах, что значительно сказывается на их восприятии окружающего мира.

О западных ученых рассказывает мистер Менон со смехом: в Кембридже он познакомился с двумя учеными: первый был физиком-ядерщиком, второй – философом. Оба известные в своих областях науки. Проблема заключалась в том, что один за пределами лаборатории демонстрировал духовное развитие на уровне одиннадцатилетнего ребенка, а второй страдал ожорством и ожирением, и упрямо отказывался признавать свои проблемы.

Из этого делается вывод, что, если бы они учились на методах палийцев, подобных проблем они бы не имели.

Что касается медицины, то она особо не отличается от западной. Это нам показано на примере выздоровления Уилла. Хаксли великолепно изображает поток ассоциаций измученного невротика Уилла, совершенно неспособного пребывать в «здесь и сейчас» и потому не удерживающего внимания на непосредственно явленной ему чудесной реальности. Герой буквально живет прошлым. Решив в конце концов разобраться со своим прошлым и с преследующими его кошмарами, Уилл соглашается пройти психотерапию. На нем применяют гештальт-терапию — подход, придуманный и разработанный Ф. Перлзом в 1940-е годы. Хаксли воспринял гештальт-терапию в качестве наиболее приемлемого в теории и на практике западного варианта философии жизни, созвучной дзен-буддизму. Нетрудно заметить, что лейтмотив «Острова» — перлзовское «здесь и сейчас» — на разные лады распевают райские птички Палы.

Институт семьи в «Острове», в отличие от «Дивного нового мира», не упразднен, однако так же претерпел некие изменения. Основное изменение — это упомянутый нами КВП (Клуб Взаимного Приятя), благодаря которой у ребенка имеется не одна семья. Такой подход существенно отличается от

западной. Как пример нам Хаксли предоставляет семью Уилла Фарнаби: «...вместе с глумливым грубияном, христианкой-мученицей и маленькой девочкой, которую пугал грубиян и шантажировала мученица, взывая к лучшим чувствам, совместно доводя ее до состояния нервической тупости.

Мой отец находил исход в бренди, а моя мать – в утонченном англиканстве. Я же отбывал свой срок без малейших поблажек. Четырнадцать лет семейного рабства» [1.3., с. 157].

Из этого «рабства» Уилл сбежал к своей тете Мэри. Уилла не приютила бы другая семья, совершенно чужая ему. Дальше следует его женитьба на Молли и бесконечный адюльтер по причине душевной нестабильности и детской травмы. Снова возвращаемся к методам обучения детей на Пале: с таким подходом учителя искоренили бы у Уилла все недобрые помыслы уже в детстве.

Но также стоит учитывать тот факт, что все приемы, используемые для улучшения ощущений и удобств в любых аспектах жизни, не подействовали на Муругана, будущего правителя Палы. Это объясняется просто: вмешалась его мать, которая воспринимала все действия палийцев как кощунство и ни про какую «йогу любви» она слышать не желала. Мать Муругана схожа с матерью Уилла, которая «из лучших побуждений» доводила свою дочь.

Государство у палийцев обособленное. Пале не нужны союзники и соседи, так как в войнах она не принимает участия. Форма правления – конституционная монархия, или же скрытая олигархия. Монархом является Раджа. Отличительные черты палийского государства – отделенность от мира и при этом умение использовать во благо все мыслимые открытия науки, в том числе и совсем молодые. Нет никакой кастовой системы. Любой чиновник или учитель могут во время перерыва пойти поработать в огороде. Физические упражнения и любая физическая активность являются обязательным условием для эффективного обучения, а потом и активной жизни у палийца. Нет

олигархов и магнатов, соответственно, нет богатых и бедных. Существует коммуна, которая работает только во благо. Только один недостаток у государства Палы – беззащитность перед узурпаторами.

С религией дело обстоит куда сложнее. Как мы уже упоминали, Хаксли сам различает религию и «обычную веру». Религия создана для фанатиков, которые легко управляют массами своими проповедями, обычная вера – это просто то, во что верят люди без излишней лирики и драмы.

Жители острова практикуют буддизм. Морально-философское учение махаяны уделяет особое внимание вопросу любви к окружающим, приравнивая мудрость к состраданию. О том, насколько положительно влияет вера на островитян, даже не стоит и говорить.

Религия же представлена в невежественном ключе героиней Рани, матерью будущего правителя Палы. Она якобы должна была совершить Духовный Крестовый Поход.

Хаксли также осуждает кальвинизм. Тот самый шотландский доктор Эндрю пострадал от этой веры: родители-кальвинисты из-за любой провинности пороли его. Такой подход подействовал на Эндрю абсолютно противоположно: он стал заниматься запрещенными делами. Причем не будь его родители ярыми кальвинистами, с ним подобного не приключилось бы.

И как мы говорили, одна из главных проблем «Острова» - проблема личности. Изначально сюжет «Острова» был построен таким образом: психически больной герой-англичанин пребывает в психиатрической клинике, его извлекает один из докторов-психиатров и советует отправиться долечиться на острова, уверяя, что он точно там выздоровеет. Возникновение невроза у Уилла Фарнаби наталкивает на мысль о работе Эриха Фромма (продолжение «Человека для себя» - «Психоанализ и религия»), в которой излагается совершенно похожая история: писатель мучается болями и импотенцией, эти

болезни вызваны конфликтом в его подсознании, который раздваивается, и мечется между моральными страданиями из-за утрачиваемого писательского дара и материальными благами.

Уилл Фарнаби до прибытия на Палу перенес два обострения своего заболевания. Оба раза его преследовали галлюцинации с червями – в таком облики он видел окружающих людей. Первый из этих эпизодов был связан со смертью тети Мэри, самого близкого ему человека. Импотенция, упомянутая Э. Фроммом, также сохранена в сюжете Хаксли. Второй эпизод с галлюцинациями происходит с Уиллом после трагической смерти Молли, в которой он винит себя самого. На остров Пала Уилл прибывает не только во фрустрированном, но и в шоковом состоянии.

На острове невозможно найти человека с психологическими и психическими проблемами: с малых лет детей воспитывают в таких условиях, где они не узнали бы о подобной проблеме. Возникают резонные вопросы: а не живут ли они под куполом? Не сломает ли их другое общество, не такое дружелюбное? Очевидно, нет. Например, Мэри Сароджини никак не поддается мрачному настроению Уилла Фарнаби, не отвечает на его саркастичные высказывания и просто пытается помочь, несмотря даже на то, что дети легко поддаются влиянию взрослых. В данном случае также играют главную роль методы обучения детей: их учат все ставить под сомнение, не верить каждому умному высказыванию, пусть даже из уст ученого.

В произведениях Хаксли мы встречаем так называемый «феномен Голдинга». Уильям Голдин является одним из тех писателей, которые преследовали цель без всяких компромиссов проанализировать противоречивую природу человека, которая способна как на добро, так и на зло. При этом Голдинг создавал в своих книгах такой невероятный драматический накал, облакал философские мысли в такие удивительно осязаемые формы, а создаваемые им картины и образы производили

завораживающий эффект даже на тех читателей, которые отнюдь не поддерживали взглядов писателя относительно человеческой природы. Голдинг говорил: «Я не раз бывал потрясён, оглушён, узнавая, что мы, люди, можем проделывать друг с другом... И раз я убеждаюсь, что человечеству больно, это и занимает все мои мысли. Я ищу эту болезнь и нахожу её в самом доступном для меня месте – в себе самом. Я узнаю в этом часть нашей общей человеческой природы, которую мы должны понять, иначе её невозможно будет держать под контролем. Вот почему я и пишу со всей страстностью, на какую только способен, и говорю людям: «Смотрите, смотрите, смотрите: вот какова она, как я её вижу, природа самого опасного из всех животных – человека» [2.58.].

И. В. Головачева говорит о «примитивизмах», которые применил Хаксли в утопии «Остров». В своем эссе «Новый романтизм» Хаксли пишет о двойном проявлении «современности». В одном из вариантов искусство выталкивает все индивидуальное, естественное. Этот вариант наследует руссоистскую традицию и назван Хаксли «романтическим».

Хаксли заявляет, что современный художник такого сорта стремится к «примитивности»: «Но там, где дикарь Руссо был благородным, утонченным и интеллектуальным, примитивный герой, которого предпочитают изображать наши художники, напоминает помесь индейца Апачи из тущоб, негра из Африки и пятнадцатилетнего школьника. Наши современные Руссо... презирают разум и порядок ...» [2.46., p. 253].

Таким образом, проблематика «Острова» весьма обширная и интересная. Так же, как и решения, предложенные Хаксли. Это неудивительно: время, в которое жил Хаксли, требовало каких-нибудь решений проблем, которые нарастали с каждым годом.

3. ГЕРОИ ХАКСЛИ КАК ПРОТИВНИКИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

3.1. Традиции одиноких героев в мировой литературе

Одиноких героев в мировой литературе относят к романтизму, полагая, что мечтатели и борцы за свободу личности избегали общества. Однако героико-одиночки появились еще во времена Шекспира. Гамлет, принц датский, со своим внутренним конфликтом, Дон Кихот М. Сервантеса, неотвратимо одинокий в своем безумии, Мария-Сюзанна Симонен Д. Дидро, одинокая в своем превосходстве над окружающими ее людьми как в моральном, так и интеллектуальном плане. Затем появляются Альцест Мольера, Вертер и Чайльд-Гарольд, благодаря которым вспыхивает пламя романтизма. Байроновские же традиции прослеживаются в русской классической литературе, в частности, в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Профессор А. Карельский пишет: «Ни в какую другую предшествовавшую эпоху не вставала так остро проблема защиты прав личности, никакая другая эпоха не осознавала положение личности столь трагически угрожающим» [2.15., с.11].

Именно в XIX веке поставлена проблема личности и свободы на первый план, толчком послужила Великая французская революция 1789 года. Но при этом встал другой вопрос: «Как совместить безоговорочную свободу личности, это

ее неотъемлемое право – отовсюду ныне теснимое, урезаемое, отчуждаемое! – с нравственными постулатами альтруизма, сопричастности – тоже ведь жизненными необходимостями всякого подлинного искусства?»

[2.15., с.18].

Протест романтиков против корысти «железного века» выражен в стихотворении Е. А. Баратынского "Последний поэт" (1835 г.):

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

А. Карельский отмечает: «Многочисленные «измы» двадцатого века – символизм, сюрреализм, экспрессионизм и последующие, обнимаемые в нашей критике всеобщим и неуловимым понятием «модернизм», - это по прямой линии потомки романтизма» [2.15., с.22].

Да и сам Хаксли отмечает связь романтизма со своим временем: «Современный романтизм есть вывернутый наизнанку романтизм старый, с перекройкой всех его ценностей. Прежние плюсы — теперь минусы, сегодняшнее благо — былая скверна. Что тогда было черным, стало белым, что тогда было белым, сделалось черным. Наш романтизм — фотографический негатив того, что расцвел в соответственные годы прошлого столетия» [2.46., р. 253].

Модернистские герои суть те же романтики, одинокие и мечтающие выйти за рамки, предложенные обществом. Просто немного подкорректированные под свое бушующее время.

Посол Баху таким образом определяет представителя двадцатого века: «У вас отклонение в одну сторону. У меня в другую... Шизоид, кем вы являетесь для нее, а я, словно пришелец из другой части света, параноик. Мы оба жертвы чумы двадцатого века. Но только на этот раз не Черной Смерти, а Серой Жизни» [1.3., с. 110].

Посол отмечает нестабильность жизни человека двадцатого века: ты либо «шизоид», либо параноик – середины для него не существует. Неспроста ведь Уилл называет его Савонаролой: он подметил его фанатичную религиозность, которая точно до добра не доведет.

Для точного описания характеров своих героев, Хаксли использует бихевиоризм. Бихевиоризм, как научный подход к изучению поведения человека, появился в прошлом столетии. Предложен Джоном Уотсоном в 1914 году в работе «Поведение: введение в сравнительную психологию». Основной постулат бихевиоризма – это то, что окружение играет более важную роль, чем наследственность. Что как раз и доказывают представленные нами герои произведений Олдоса Хаксли. Родители Джона – цивилизованные, но сам он вырос среди дикарей и не смог принять цивилизованный мир. Или же Уилл Фарнаби, который рос в семье английского интеллектуала и матери-англиканки, но также питал отвращение к ним.

Хаксли так же не лишен системы характеров. Так называемыми «типичными» героями Хаксли являются интеллектуальные, апатичные и немного автобиографические персонажи.

Наша задача состоит в том, чтобы проследить связь между героями Хаксли и другими героями литературы.

Если же взять для сравнения героев Хаксли и Шекспира, то Уилл Фарнаби отпадает, он ни на кого из героев Хаксли не похож. Этот герой более позднего происхождения. А вот Джон дикарь своей бескомпромиссностью и внутренними конфликтами напоминает Гамлета. Можно даже сказать, что это шекспировский герой на страницах романа Хаксли. Герой, который чтит долг и не прощает отличных от его взглядов мнений. Он либо убивает тех, кто отличается от него, либо сам себя убивает. Надо сказать, он и сам вообразил себя Гамлетом. Это ясно показано в сцене, в которой Джон пытается убить любовника матери.

«Как всякое эстетическое явление, – пишет Л.Я. Гинзбург, – человек, изображённый в литературе, не абстракция (какой может быть человек, изучаемый статистикой, социологией, экономикой, биологией), а конкретное единство. Но единство, не сводимое к частному, единичному случаю (каким может быть человек, скажем, в хроникальном повествовании), единство, обладающее расширяющимся символическим значением, способное поэтому представлять идею» [2.8., с. 5].

Уилл Фарнаби представляет в утопии «Остров» все западное интеллектуальное общество. В нем сосредоточены идеи западных мыслителей и философов. Так же, как и Джон представляет нецивилизованных своих братьев, больше близких к природе, чем к обществу.

Целостность образов человека в литературе мотивирует широкое их использование в качестве примеров проявления тех или иных закономерностей учёными разных специальностей. Так, для психолога Б.М. Теплова жизнь Татьяны Лариной в пушкинском романе – «это замечательная история овладения своим темпераментом или, говоря другими словами, история воспитания в себе характера» [2.28., с. 309].

Так и Уилл вбирает в себя восточную культуру и взращивает в себе характер, чуждый и абсолютно противоположный западному.

Профессор А. Карельский вывел эволюцию героев XIX и XX веков: от героя к человеку. Проще говоря, «дегероизация» романов, переключение внимания с персонажа «героического» на обыденного. Однако мы не согласны с тем, что в литературе XX века нет героев. Всякий герой проходит через закономерный путь развития, эволюции, в результате чего меняется обычно в лучшую сторону. И герои Хаксли не исключение. Герой «Дивного нового мира» Джон не проходит через этот путь, потому как он уже сложился, как личность, и не желает принимать этот «дивный мир», где все человеческие достоинства и чувства обесценены. Герой попросту не хочет смириться с тем фактом, что миром давно уже правят другие законы, чем принятые во времена Шекспира и Сервантеса. Осознание этого жестокого для него факта уже является смертью, потому как он не может противостоять миру совершенно один. Он «вкусил отравы», то есть понял странную систему жизни.

Джон отчасти напоминает Мартина Идена: пока он был в неведении, ему было хорошо, по крайней мере, сносно жить. А как только он «вкусил отравы», ему открылась изнанка этого прекрасного мира, который пожирал каждого своим лицемерием. Разница лишь в том, что у Мартина Идена проблема в социальных различиях, а у Джона – во всем, что можно предположить. Например, он родился естественным путем, тогда как все остальные герои выращены в пробирках и с младенчества подвержены влиянию их создателей. Разница во врожденных чувствах. Джон любил свою мать, несмотря на то, что она заботу о нем не проявляла. Попросту сказать, что выращенные в пробирках дети являются всего лишь выполнением некоего плана правительства, которое состоит в том, чтобы выросли послушные и работоспособные люди. Никаких намеков на чувства и счастье, только работа и задача. Джон вырос в совершенно иных условиях, что и порождает непонимание другого мира.

Библия Джона – потрепанный томик сочинений Шекспира. Бедный мальчик думал, что все так и должно быть, как сказано в этой заветной книге. Он не

ведал другой жизни и других законов. Можно ли утверждать, что он жил книгой? Прозвучит это весьма пафосно, но все же правдиво.

Другой герой «Дивного нового мира» - Бернард Маркс. Имя и фамилия собраны из инициалов любимых писателей и мыслителей Хаксли – Бернарда Шоу и Карла Маркса.

Данный герой являет собой класс «альфа», он находится на высшей ступени, но из-за генетического сбоя (по ошибке в его кровезаменитель влили спирт, считает он сам) его физические данные не превышали уровня гаммы.

Бернард чувствует себя неполноценным, отчего все время пребывает в депрессии. Вследствие отклонения он думает о том, о чем думать не полагается, тем более «альфовику». К примеру, у них считается нормой, даже правилом относиться к противоположному полу потребительски, однако Бернарду это не нравится. Это на первый взгляд, разумеется.

Для определения характера данного героя Хаксли, по нашему мнению, использовал прием Генрика Ибсена. В начале автор выставляет героя в таком хорошем свете, что читатель невольно думает: «А не слишком ли хорош этот герой?». Затем эта мысль исчезает, потому как легкой рукой автор уводит читателя от подозрений. И наконец наступает середина или финал, которые раскрывают суть персонажа. Этот персонаж оказывается чуть ли не антагонистом, причиной бед главного героя. Данный прием обезоруживает и без того безоружного читателя. Ведь читатель в некотором смысле выступает в качестве предсказателя: «А я знал(а), что так и будет, это было предсказуемо!».

Подобные игры с читателями художники слова охотно ведут, вспомним парадоксы Уайльда или языковую игру Набокова в «Лолите».

Таким образом, Хаксли выставляет Бернарда своим читателям необычным человеком, если можно так сказать. А читатель рано или поздно

перевернет ту самую страницу, которая выдаст его истинную личность: закомплексованный альфа, который пытается купить любовь и уважение других с помощью Джона дикаря. Все, что он сделал для создания своей репутации, привело к самоубийству дикаря, а его самого выслали из страны. Однако не будем несправедливы с ним – все, что он сделал, также и раскрыло суть «дивного нового мира». Бернард – проводник в новый мир не только Джона, но и читателей, как и Вергилий в «Божественной комедии». Без этого героя не получилось бы цельной картины.

Есть одно свойство в литературных произведениях – не всегда герой меняется, и этот персонаж обычно являет собой антипод главного героя.

Бернард Маркс не проходит через Ад и чистилище ради очищения или раскаяния, как, например, Данте, пройдя через Ад и Чистилище, сознается Беатриче в своих грехах, не поднимая даже взгляд, и заслуживает тем самым прощение и духовное очищение.

Мы справедливо можем сказать, что Бернард не прошел ни через Ад, ни через Чистилище, и тем более не вступил в сад Рая. В данном же случае все весьма просто – Бернард не главный герой, и Хаксли попросту не позволил ему проявить свои лучшие качества. Автор в данном случае выступает деспотичным Богом, которого описал нам Джон Мильтон в «Потерянном Рае». Вопреки требованию Флобера, чтобы художник максимально устранял себя из произведения; он должен быть как господь бог – везде присутствовать, но нигде не быть видим и слышим. Принцип объективности Чехова не всем художникам слова претит, и уж голос Хаксли мы отчетливо слышим.

Не отклоняясь от темы, резюмируем: эволюцию проходят чаще всего главные герои, антиподы же и второстепенные персонажи остаются в процессе стагнации.

Считается, что в произведениях Хаксли присутствует полифонизм романов Ф.М. Достоевского. Построение его романов походит на строение музыкальных произведений. Музыкальность также присутствует во многих произведениях Вирджинии Вулф.

По мнению В. С. Рабиновича, особую роль в системе характеров Хаксли играет «автобиографический герой» [2.23.]. Употребление понятия «автобиографический герой» в данном случае вовсе не предполагает полного отождествления автора с героем. Герой не может быть тождественен автору, так же как авторское самосознание – авторскому бытию: «Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир, сознание объемлющее и завершающее сознание героя моментами, принципиально трансгредиентными ему самому» [2.4., с. 16].

При этом, говорит В.С. Рабинович, мы не можем отрицать возможности относительной «самообъективации» автора в героя, при которой на тот или иной художественный образ переносятся те черты авторской личности, которые осознаются автором как присущие ему самому. Способность к самосознанию предполагает способность к частичному самовоплощению в художественном образе; другое дело, что тождество этого образа с его реальным прототипом – в данном случае автором – недостижимо.

Надо заметить, что главные герои Хаксли – интеллектуалы или же мыслящие люди. Уилл Фарнаби на каждом шагу цитирует известных поэтов и мыслителей, а Джон, несмотря на отсутствие определенных знаний, является неглупым «дикарем».

Бахтин пишет об «автобиографическом герое»: «Такой герой незавершен, он внутренне перерастает каждое тотальное определение как неадекватное ему, он переживает завершенную целостность как ограничение и противопоставляет ей какую-то внутреннюю тайну, не могущую быть

выраженной. «Вы думаете, что я весь здесь — как будто бы говорит этот герой — что вы видите мое целое? Самое главное во мне вы не можете ни видеть, ни слышать, ни знать». Такой герой бесконечен для автора, то есть все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самосознанием» [2.4., с. 23].

В литературе, посвященной творчеству Хаксли, уже сложилась традиция употребления понятия «автобиографический герой» по отношению к тем героям произведений Хаксли, на сознание которых автор экстраполирует собственное мироощущение. К примеру, в 20-е годы появляется то «абсолютное сомнение», которое является смысловым контрапунктом произведений Хаксли этого времени. В результате возникает эффект удвоения авторского «я», которое присутствует в произведении.

Как правило, объединяет «автобиографических героев» в художественном мире произведений Хаксли общность профессии (писатели или профессиональные литераторы Деннис Стоун из «Желтого Крома», Челифер из «Этих бесплодных листьев», Филип Куорлз из «Контрапункта», Уилл Фарнаби из «Острова» и др.), а также общность взгляда на мир.

Герои Хаксли не отделены от него самого. Куда бы они ни пошли, кем бы они ни были, они всегда размышляют о Боге, о человеческой ценности, об искусстве и свободе, и, конечно, о смерти. Героев Хаксли волнуют философские вопросы, ответы на которые приходят слишком поздно или не вовремя.

«Автобиографический герой» хотя и является голосом своего создателя, но имеет также и свой голос. Практически во всех произведениях, в котором встречаются одинокие герои, мы видим героя, который находится в конфликте с собой, либо же с обществом. Одинокие герои всегда борются за что-либо, оспаривают права. Без борьбы и конфликта они бы потеряли свою личность.

Герои Хаксли ни в каких конфликтах стараются не участвовать, они стараются убежать от конфликта. Они подавлены внешним миром, а внутренний мир сильнее подавляет их волю и желание. Была бы возможность, Уилл Фарнаби сам превратился бы в огромного жука.

Уместно было бы упомянуть французских экзистенциалистов. «Борьба абсурдна» - гласит их постулат. В этом и состоит разница между героями Хаксли и героями литературы предыдущих эпох.

Они стоят на стыке экзистенциализма и романтизма, невозможно каким-нибудь образом выявить их принадлежность к определенной группе философии. Герои Хаксли борются, дают отпор, но осознание тщетности борьбы одолевает их.

3.2. Дикарь Джон как представитель не принятых обществом героев

Литература богата героями, которые не приняты социумом. Причин множество: социальная (Журден в «Мещанине во дворянстве» Мольера, Пьер

Безухов в «Войне и мире» Л.Н. Толстого), идейная (Альцест в «Мизантропе» Мольера, Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского), личностная (Грегор Замза в «Превращении» Ф. Кафки, Мерсо в «Постороннем» А. Камю) и т.д.

Подобные герои в основном и являются первооткрывателями новых направлений в литературе. Разумеется, за конфликтом прячется совершенно новая идея, которую общество не готово воспринять, потому и совершенно оправданно боится носителя идей. Иногда же бывает противоположная ситуация: например, Павел Петрович Кирсанов в «Отцах и детях» И.С. Тургенева, Беликов в «Человеке в футляре» А.П. Чехова и учитель Унрат Г. Манна. В данном случае проблема кроется в их устарелых взглядах, и именно они не готовы принять новые правила социума.

Выбор индейской резервации как места действия трех глав (6, 7 и 8) «Дивного Нового Мира» был продиктован впечатлением от писем Д. Г.

Лоуренса, восторженно отзывавшегося о Нью-Мексико как о «нетронутой, вечной и нерушимо чистой территории, которая не должна достаться нам, ужасным белым людям с нашими машинами» [2.48., р. 31]. Д. Г. Лоуренс не уставал повторять, что небо в Нью-Мексико не такое старое, как в Европе, «воздух новей, а земля не так натружена» [2.49., р. 375].

Хаксли не мог не поддаться чарам текстов Лоуренса об индейцах и их древней земле. Однако к началу работы над произведением лоуренсовские чары потеряли свою силу, что не могло не сказаться на общей картине описания индейских пуэбло в «Дивном новом мире».

Эти сцены, считает И.В. Головачева, без натяжки прочитываются как пародия на лоуренсовский эскапистский примитивизм, на его стремление слиться с первозданной природной культурой.

Этнограф и культуролог Аби Варбург писал об обряде индейцев: «Танец в масках с его ритуальной магией обращается с призывом к неживой природе, являя собой доказательство более или менее примитивных форм язычества в не охваченных железнодорожными путями местностях, где, как и в деревнях моки, нет даже следов официального католицизма» [2.57.].

Для глав, изображающих жизнь индейцев, требовались мельчайшие подробности их жизни. А поскольку Хаксли так и не посетил Нью-Мексико, он не мог ссылаться на собственные впечатления. Он обратился в Смитсоновский институт для получения этнографических материалов из их коллекции. Именно они помогли писателю описать максимально правдоподобно пляски со змеями. Хаксли описывает нам некий обряд индейцев. Сначала индейцы в масках пляшут, затем из ящика старец достает множество разной масти змей. Как оказалось, этих змей нужно обагрить кровью человека. Для этого избирается юноша 18 лет. Индеец должен обойти наибольшее количество кругов вокруг змей, в это же время его бьют плетью.

Надо заметить, змеи встречаются также и в «Острове»: в сцене, в которой Уилл Фарнаби взбирается на плато, спасаясь от змей, а также змея упоминается в разговоре Уилла с Шантой: она рассказывает Уиллу миф о Будде и Мукалинде. Царь змей Мукалинда обвил вокруг Будды свое тело, чтобы уберечь его от дождя и ветра, пока он медитировал. Таким образом природа и человек сливаются воедино. После сцены с обрядом и появляется весьма неоднозначный герой «Дивного нового мира» - Джон.

И.В. Головачева определяет Джона таким образом: «Что касается фигуры Джона Дикаря, знатока У. Шекспира, мазохиста и истерика, страдающего от Эдипова комплекса, то по причине своей искусственности фигура эта нисколько не сглаживает резкий контраст между максимально отодвинутыми друг от друга «своим» и «чужим», «цивилизованным» и «диким».

Джон – главный герой антиутопии Хаксли «О дивный новый мир». Заметим, произведение построено на антитезе: Джон противопоставляется жителям цивилизованного мира, так же и своим братьям. Он одинок, в чем сразу признается Бернарду при знакомстве. Вспоминается Уилл Фарнаби, который так же, как и Джон, начал раскрывать себя при первом же случае знакомства. Дикарь Джон отличался даже среди своих: «Нелюбим я за белокожесть. От века нелюбим. Всегда» [1.2., с. 161].

Джон против как «своего», так и «чужого» общества. Перед нами снова герой романтизма. В цивилизованном мире его начинают называть «дикарем», что весьма символично: он дикарь не только для них, но и для «дикарей» индейцев.

Если рассмотреть героя получше, необходимо начать с детства Джона. Жизнь ему подарила цивилизованная женщина, за что и племя их не принимало. К слову, в антиутопии разделение на «своего» и «чужого» весьма ярко проявляется. Отцом Джона является «Томасик» (как называет его Линда, мать Джона), директор Эмбрионария, который в молодости уехал с Линдой поглядеть на мир «дикарей». Получилось так, что Линда пропала в горах и ушибла при этом голову, Том же просто не стал искать ее и вернулся обратно в Лондон.

Джон вырос в резервации, часто голодал, но не оставлял попыток изучения этого прекрасного мира. Он считался изгоем в племени, ровесники смеялись над ним из-за его матери. С раннего его детства Линда рассказывала Джону о другом мире, из которого она и приехала, и в который она не может уже вернуться из-за него. В разговорах с Джоном Линда не упускает возможности упрекнуть сына за испорченную жизнь, но при этом одновременно проявляет свою любовь. Джон же мечтал увидеть этот «дивный мир» и грезил им.

Мать научила его читать, но из-за отсутствия книг Джону пришлось начать читать «Руководство для бета-лаборантов Эмбрионария». На любой вопрос

Джона у Линды один ответ: «Не знаю». Старики племени же отвечают проповедями. Заветные ответы на все свои вопросы Джон нашел в «Сочинениях Уильяма Шекспира в одном томе». Джон мог принять книгу Шекспира за книгу предсказаний. Он наугад раскрыл книгу и увидел строки, посвященные, как ему казалось, его матери:

...Похоти рабой

Жить, преля в сальной духоте постели

Елозя и любясь в свиной грязи...

Гамлет и Отелло являются прообразами Джона. Это доказывает, помимо вышеуказанной отсылки к Гертруде, сцена попытки убийства Джоном Попе, любовника Линды. «Гамлетовский вопрос» преследует Джона без конца. Сменяется сцена – сменяется и герой Шекспира. Просыпается нелюбовь к чужому человеку рядом с матерью – появляется Гамлет.

Безумная ревность – Отелло тут как тут.

Справедливо считать Джона средоточием многих современных Хаксли проблем и учений (Эдипов комплекс и психическая неустойчивость). Мы согласны с мнением И.В. Головачевой о том, что Джон выглядит немного искусственно: он другой расы и безуспешно пытается сойти за индейца. Джон судорожно пытается примкнуть к какой-нибудь общине, но, к сожалению, он везде чужой.

Дикарь Джон, несмотря на чувство собственной ненужности, смог повлиять на цивилизованного человека: Линайна начинает чувствовать что-то отличное от влечения. Начинает размышлять о том, что с Джоном не так, что с ней не так. В общем, начинается процесс размышления о том, чего они, цивилизованные, лишены, а также о разнице между ней и Джоном. Линайна впадает в когнитивный диссонанс, вызванный появлением Джона в ее жизни.

Она чувствует то, что запрещено. Однако эти чувства не опасны для «дивного нового мира» в масштабном уровне, потому как Линайна сама не понимает, что с ней происходит. А вот некий частичный сбой присутствует: Гельмгольц пишет агитационные стихотворения, Бернард согласен с мнением дикаря об их обесцененных чувствах, а Линайна полюбила.

Дикарь же все воспеваает красоту Линайны, декламирует в пространство:

Краса бесценная и неземная,

Все факелы собою затмевая,

Она горит у ночи на щеке,

Как бриллиант в щеке у эфиопки...

Гамлет ожидает, что Линайна окажется Офелией, Отелло ожидает, что Дездемона покается. Чудесного перевоплощения не происходит, надежды не оправдались. Линайна есть Линайна, из нее не вылепить уже Галатею. До него успели вылепить Галатею, предназначенную для работы, а не для семейного счастья и любви.

Интересна наивность Джона: нет в «Дивном новом мире» более чувственного и одинокого человека. Цивилизованные люди с рождения этого лишены, а вот дикарь, как сын цивилизованной женщины и при этом как житель пуэбло, живет по правилам индейцев. Ему сложно даются принципы жизни цивилизованных, а точнее установки.

Самоубийство Джона не так уж и глупо и просто: он сделал выбор не приспособливаться. Однако, как показал Э. Ионеско, когда большинство превратилось в носорогов, одному ничего не остается, как тоже превратиться («Носорог» Э. Ионеско).

Дикарь Джон, Мартин Иден, Волк Ларсен выбрали иной путь. Встает вопрос: а ведь Джон мог вернуться в резервацию и жить прежней жизнью. К

сожалению, и там он был чужим. Он попал в другой мир, подобно Уиллу Фарнаби, и не смог найти исцеления, как нашел его Уилл. Джон был слишком чист для мира цивилизованных. Он обманулся в своих ожиданиях и надеждах. «Зачем же ты надеялся?», - спросил бы Печорин.

Джон предпочитает искреннее несчастье лживому счастью. О чем сообщает своему «другу» Бернарду, который предпочитает прямо противоположное действие. Джон идеалист, идеалисту не в силах принять другие правила.

Одиночество, так ценимое нормальными людьми, в «дивном новом мире» находится под запретом. Именно одиночество отделяет Джона от всего его окружения. Ведь у него есть множество времени и возможности для «мыслепреступления».

Дикарь говорит: «Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзию, настоящую опасность, хочу свободу, и добро, и грех» [1.2., с. 326]. Джон без всякого сомнения сдружился бы с господином Голядкиным, героем повести Ф.М. Достоевского «Двойник»: «Полуслов не люблю; мизерных двуличностей не жалею; клеветой и сплетней гнушаюсь. Маску надеваю лишь в маскарад, а не хожу с нею перед людьми каждодневно».

Ощувив бесконечное присутствие толпы, Джон вдруг понял, что не ценил своего одиночества. Лишь в одиночестве познается Бог, считает он. Есть сцена, в которой Джон раскидывает руки, словно распятый Иисус. А после смерти своей матери он решил открыть людям глаза, присоединить их к своей вере. Он не учел того, что этому миру не нужен Иисус, Боги исчерпали свою значимость. Отныне люди выступают в роли всемогущих богов.

Никакого монотеизма, никакого деизма нет на этом свете.

Джон, подобно старику Сантьяго из повести Э. Хемингуэя, испытывает себя на прочность. Как мы помним, в резервации во время обряда инициации Джона не взяли с собой, ссылаясь на то, что он не краснокожий. Однако он в

гордом одиночестве прошел через это испытание. Затем же прослеживается традиция индейцев в его сознании: он хочет принести шкуру льва Линайне, чтобы пожениться. У индейцев традиции таковы: жених должен либо принести шкуру льва или волка своей невесте, или же всю ночь протолочь землю в ее участке. Жених демонстрирует стойкость и мужество, что доказывает его надежность. При этом занятии, говорит Джон, невыносимую боль доставляют комары и мухи, ни на мгновение не давая отдыха индейцу.

Джон похож на героев, которые безнадежно отстали от течения жизни, как Беликов, который возмущался новыми веяниями и корпел над древнегреческим языком, также похож на Павла Петровича Кирсанова, для которого нигилизм Базарова является невыносимым абсурдом. Герой Хаксли Джон уже был раньше в литературе, без сомнения. Однако Джон не принадлежит ни к «старому», ни к «новому» миру. Он живет в «старейшем» времени, по установкам английского драматурга.

Как мы упоминали, литературные герои представляют определенную эпоху. Уилл Фарнаби, например, типичный представитель XX века, по мнению самого автора. Джон же является представителем совсем другого времени.

Время и пространство в «Дивном новом мире» искажены.

Хаксли, как мы думаем, предпочел раскритиковать тоталитарную систему власти посредством незнакомого с этими порядками героя. Что показывает взгляд пришельца слишком критично, но без эффекта ужаса. Совершенно другие впечатления вызывают описания самих жителей «счастливого мира». Ужасает их незнание ситуации и беспомощность против властей. «Война – это мир; свобода – это рабство; незнание – сила».

В антиутопии, как правило, рассказывается о «прекрасном чудном мире» от лица как раз жителя этого мира. Взгляд изнутри раскрывает все недостатки. Например, у Е. Замятина в антиутопии «Мы» главный герой – Д-503, инженер Интеграла и математик, начинает вести дневник, в котором все устройство

государства подробно изложено. Дж. Оруэлл создает «1984» по тем же правилам.

Эрих Фромм в своей книге «Бегство от свободы» (1941) говорит о том, что люди нуждаются в мифах и идолах, чтобы выдержать факт своего одиночества, чтобы примириться с тем, что не существует авторитета, придающего жизни смысл, кроме него самого. Джон не примирился с тем фактом, что этот авторитет существует и захватил весь мир. Он попросту не позволил решить собственную судьбу кому-то другому.

Герой, прообразами которого являются самые известные трагические персонажи, просто обязан закончить свою жизнь трагически. Джон – лишний человек, куда бы он ни пошел. Джон – драматический герой, случайно оказавшийся в современном мире.

3.3. Уилл Фарнаби – представитель изменяющегося XX века

Помимо революций и войн, XX век ознаменовал себя различными открытиями в области науки, особенно в философии. В 1918-1920 гг. немецкий философ и историк Освальд Шпенглер пишет об упадке культуры стран Западной Европы («Закат Европы»), о закате тысячелетней фазы ее развития. Разграничивая понятия «культура» и «цивилизация», он определяет их современное состояние как деградацию, развивает идею об утрате высших духовных ценностей культуры в условиях рационалистической технизированной цивилизации. Шпенглер выделяет в мировой истории восемь культур. Философ пишет о том, что каждая культура имеет свою историю, которая длится примерно тысячу лет, а затем, пережив свой расцвет, угасает. В процессе угасания находится западноевропейская культура. Очевидно влияние трактата Шпенглера на Хаксли: «Остров» построен на явном предпочтении Востока Западу, а уж «Дивный новый мир» полностью демонстрирует «закат» западного мира.

Томас Манн охарактеризовал главного героя «Волшебной горы» таким образом: «Ганс Касторп не гений и не дурак». Мы совершенно похожим образом можем описать и Уилла Фарнаби – главного героя «Острова».

Изначально главного героя автор показывает в не совсем безупречном свете: «Лежа как труп среди опавших листьев со спутанными волосами, с лицом, покрытым уродливыми ссадинами и синяками, в грязной и порванной одежде, Уилл Фарнаби вздрогнул и очнулся» [1.2., с.5]. Затем автор открывает нам душевные страдания Уилла: чувство вины из-за смерти жены. Она погибла в тот вечер, когда он сообщил ей об уходе из семьи. Это не единственное, за что он чувствовал свою вину: очевидно, он не поддерживал связь с матерью

инвалидом и своей не очень привлекательной, по его мнению, сестрой. Хаксли проводит параллель между душевными и физическими ранами.

Доктор Роберт сразу же после знакомства так описывает Уилла: «Внешне напоминает Мессию. Но чересчур умен, чтобы верить в Бога или хотя бы понимать смысл собственной жизни. И слишком чувствителен, чтобы осуществить свою жизненную цель, даже если бы знал о ней. Его мышцы хотели бы действия, а его сознание хотело бы поверить, но вот нервы и гипертрофированный интеллект не позволяют» [1.2., с. 42].

- Значит, как я полагаю, он глубоко несчастлив?

- Настолько несчастлив, что даже смеется как гиена.

- А он знает, что смеется как гиена?

- Не только знает, но и почти гордится этим. Даже сочинил шутивную эпиграмму на самого себя: «Я – человек, который не принимает согласия» [1.2., с. 42].

Хаксли с самой первой страницы описывает сломленного своими же ошибками героя; героя, которому не сочувствуешь вовсе.

В литературе XX века это встречается нередко. Вспомним героя романа притчи «Постороннего» Альбера Камю – Мерсо. Первая фраза, которая полностью характеризует героя: «Сегодня умерла мама. А может быть вчера – не помню». Подобное начало сразу привлекает внимание читателя к личности героя. Шаблоны, по которым строятся все произведения, разрушены. Как автор вводит нас в повествование? «Однажды, в какое-то время...», «В самый разгар лета...» и т.д. Затем следует предыстория героя. Камю идет по той же схеме, только она отличается тем, что предыстории нет – ее нужно придумать.

Теперь для читателя важно знать путь духовного развития главного героя, необходимо выяснить, что могло так повлиять на Мерсо. Сложно принять тот

факт, что герой так и не претерпел каких-либо изменений, он – человек природы, которому чуждо все (особенно люди), кроме самой природы.

«Человек в наибольшей степени является человеком благодаря тому, о чем он молчит, а не тому, о чем говорит». Ж.-П. Сартр относит Мерсо к данной формулировке А. Камю.

Будь воля Уилла Фарнаби, он бы тоже начал знакомство с читателями в подобной абсурдной манере. Сказал бы: «Недавно умерла моя жена. А, может быть, и давно». Но Уилл не полностью абсурдный герой, он – утративший надежды романтик во всех смыслах. Боль от утраты жены железной хваткой вцепилась в него, а больше – чувство вины.

Хаксли объясняет причину горя Уилла на пороге, не затягивая и не интригуя. Уилл – скептик, не верит ни в какие ценности, при этом он своего рода романтик. Оказавшись на острове и не понимая, что происходит, он вдруг вспоминает «любимую худшую стихотворную строку». Уилл атеист, как и любой представитель современного Хаксли XX века. Вспомним фразу «Бог умер» Фридриха Ницше.

- О, ради бога! – почти взмолился он.

- Бога? – вдруг переспросила девочка с внезапным интересом. – Какого именно Бога? Их ведь так много.

– Любого треклятого бога, которого ты предпочитаешь остальным, - ответил он с тем же нетерпением [1.2., с. 18].

Герой попал на остров не намеренно, его случайно занесло на яхту, и он потерпел кораблекрушение. Таким образом автор показывает, что Уиллу необходимо было узнать нечто совершенно другое, отличное от его взглядов, его мира и ценностей, которыми он когда-то обладал. Можно ли сравнить Уилла с Крузо? Уилл, как и Крузо, оторвался от своего мира, чтобы познать другой. Судьба ему так же дает понять, что одними знаниями в этом мире

невозможно ограничиться. Уилл, по нашему мнению, близок к «лишним людям» бесцельностью своего существования и несчастливой участью. Он больше «лишний человек» по своему решению.

Как мы уже упоминали, Уилл относится к разряду «автобиографических героев». «Такой герой бесконечен для автора», то есть одним несчастьем не завершается жизнь Уилла. Это всего лишь первая ступень его развития, как героя. Нам необходимо проследить его путь развития.

Каковы причины его несчастий? Несчастливое детство ведет к закомплексованности и неуверенности, затем следует брак, к которому он не был готов, затем адюльтер, смешанный с жалостью к жене, его сообщение об уходе из семьи и смерть жены. Вину за эту ситуацию Уилл чувствует неотрывно от жизни.

Интересен один момент: «Тысячи и тысячи людей окружали меня, все куда-то спешили, каждый был уникален, каждый представлялся себе центром вселенной. Потом из-за туч показалось солнце. Все предстало в необычайно ярком и ясном свете. И вдруг с почти слышным щелчком все эти люди превратились в личинок [1.2., с. 171].

Узнаем гомоцентризм Ренессанса. Человек считает себя центром вселенной, уверен в собственной значимости больше, чем в какое-либо другое время.

Однако Уилл живет не в то время, в отличие от окружающих.

Уилл продолжает: «Лица людей оставались все такими же, прежней была их одежда. Но в то же время они стали червяками. И даже не реальными червяками, а их призраками, иллюзией личинок мясной мухи. А я сам был лишь иллюзией наблюдателя за личинками. Я жил потом многие месяцы в мире червей» [1.2., с. 171]. Затем следует объяснение такого видения: вина лежит на родителях, в психологической травме, полученной во время болезни тети Мэри, а также в чувстве собственной бесполезности в карьере.

На страницах «Волшебной горы» встречаем следующие строки: «Если эпоха не дает удовлетворительных ответов на вопросы «зачем», то для достижений, превосходящих обычные веления жизни, необходимы либо моральное одиночество и посредственность, - а они встречаются весьма редко и по существу героичны, - либо мощная жизненная сила» [2.18., с. 42].

Наш герой обладает и моральным одиночеством, и посредственностью. Все, чем он ни занимался, было поверхностным, негениальным. Сам он в этом признается: «Я добился успеха именно потому, что оказался такой явной и неисправимой посредственностью» [1.2., с. 173]. Он одинок даже в обществе близких людей. Именно они и послужили виной его морального одиночества, считает он. В этом есть доля правды.

Зачем Хаксли дает право представлять Запад апатичному, страдающему одновременно и гедонизмом, и андегонией человеку? Очевидно, ответ кроется в самом времени, в котором жил автор – время нестабильное и беспокойное. В данной ситуации уместно вспомнить философию Артура

Шопенгауэра: «мировая воля», которая управляет человеческими судьбами. Она приобретает значение рока, судьбы, с которыми человек пытается бороться, но неизбежно терпит поражение.

Не люди управляют ходом событий, а некая высшая сила – «мировая воля», игрушками которой они являются. В философской концепции Шопенгауэра значительная роль отводилась искусству. Только через красоту, через искусство можно приблизиться к познанию мира. Художник может проникнуть в тайны мира, если он обладает эстетической интуицией. Наряду с учением Шопенгауэра и Ницше, в начале XX века получает актуальность философия Анри Бергсона. Бергсон предложил своему времени интуитивизм – учение, согласно которому все познается через невидимые нами силы, интуицию.

Данную философию мы и встречаем на страницах «Острова». Уилл – образованный и сыплющий цитатами молодой человек, но перед жителями острова он предстает как совершенный невежда. Разгадка кроется не в знаниях, а в самопознании. Внутренняя жизнь человека является не менее важной, чем все многовековые знания человечества. А также существует много необъяснимых моментов, когда он не мог ничего сделать, был подетски беспомощен.

Уилл умен, образован и совсем не глуп, однако этого оказывается недостаточно, чтобы быть равным с палийцами. В сравнении с островитянами, он сам кажется той самой личинкой, которая ищет успокоения. В ситуации с Молли, с женой, он проявляет себя, как зритель их отношений, то есть он никаким образом не участвует в этих отношениях. Именно благодаря ей он перестал видеть червей и решил, что обязан ей. Женился на ней из чувства благодарности и дальше жил с ней только из жалости. В первую встречу удостоил ее таким нелестным комплиментом: «Голубоглазая личинка с лицом одной из тех святых женщин, что обычно окружают распятого Христа на картинках фламандских живописцев» [1.2., с. 174]. Однако удивительнее всего, что этот комплимент польстил Молли. Надо полагать, произошла встреча двух психологически нездоровых людей, которая, спустя некоторое время, породила еще большую психологическую нестабильность у одного, а у другого – смерть.

Как Уилл сам говорит, Молли выполняла в отношениях больше материнские функции: жалела бедного Уилла, угождала ему как могла и дарила безграничную любовь. Уилл, лишенный материнской любви, пользовался этим благосклонным отношением и жил в свое удовольствие. Он постоянно искал материнскую ласку и тепло в женщинах. Молли давала ему эту ласку, после ее смерти его утешала пассивная очевидная ретроспекцией: «Мой бедный, бедный Уилл!».

После смерти Молли все поменялось: от него ушла любовница, работа не приносила удовольствия. Нет человека, который больше всех любил его.

Началась переоценка ценностей и бесконечные упреки за прежние ошибки.

Слова птицы-майны заставляют его задуматься. «Здесь и сейчас, парни», - говорит птица. Важно настоящее, важно и прошлое, только нужно научиться не сгибаться под тяжестью прошлого.

Уилл – герой, собранный из всех возможных неприятных последствий несчастной семьи. Из семьи идут все его несчастья. Он как был недолюбленным мальчиком, таким и остался. Духовное развитие у него остановилось в подростковом возрасте. В данном случае Хаксли представил в лице Уилла несколько гиперболизированный тип западного интеллигента.

Джером Меккиер в своей статье «Conradian reminders in Aldous Huxley's «Island»: Will Farnaby's «moksha» - medicine experience and «the eternal horror» пишет о воздействии средства мокша на Уилла Фарнаби, как о внезапном просветлении, и это неудивительно: Сузила взяла на себя роль «настоящей богини», которая открывает ему глаза на мир [2.50., p.56]. Меккиер пишет также о сходстве героев Хаксли и Конрада: Куртца из «Сердца тьмы» и Уилла Фарнаби из «Острова».

В данном параграфе необходимо провести краткое сравнение Уилла с литературными героями другой эпохи и другого направления. Для этого мы выбрали Жюльена Сореля и Жана Вальжана.

Мы уже упоминали, что Хаксли сам отмечал, что современная ему литература является тем же романтизмом. Однако стоит учитывать, что романтические герои не всегда были в чести и подвергались критике не хуже набоковской Лолиты. Уильям Теккерей взял на себя задачу развенчать романтического героя, точнее ипостась «романтического негодяя». Именно он встал на путь

«разоблачения» апатичных и хищных героев: «Пусть это будут не романтические, изящные велеречивые хищники, а откровенные мерзавцы».

Можем ли мы назвать Уилла «мерзавцем»? Возможно, несколько раз эти слова промелькнут в голове при оценке его недобродетельных поступков. Он как раз и есть тот самый «романтический и изящный велеречивый хищник», но уж никак не мерзавец.

Итак, Уилл относится к романтическому типу с помесью реалистического героя. В нем есть некая черта человека, который борется со своими комплексами с помощью тщеславия и при этом признает свои страхи и ошибки (как, например, Жюльен Сорель), также в нем присутствуют черты человека, мечтающего о чем-то возвышенном (как Жан Вальжан).

Насчет Жюльена Сореля все весьма просто. И Уилл, и Жюльен были чужими в своей семье, что компенсировали своим отношением к другим, в особенности женщинам. Им необходимо было каким-то образом самоутвердиться за их счет, почувствовать собственную значимость. Попросту говоря, не будь рядом с ними жертв в виде женщин, хищники сами себя изодрали бы изнутри. Для Жюльена все обернулось весьма плачевно, как мы знаем. Хаксли же более благосклонно отнесся к своему герою.

Наряду со Стендалем и Теккереем, героев, побежденных тщеславием, представил Август Стриндберг, шведский драматург XIX века. Отчетливо мы это видим в пьесе «Фрекен Юлия». Жан, лакей фрекен Юлии, боится графа, хозяина дома. Чтобы избавиться от постыдного чувства, он пытается склонить свою госпожу на неверный путь. Затем, добившись своего, упивается этой властью. Обесчестил и оставил беспомощную Юлию. Осуждается в пьесе прежде всего социальная несправедливость: осуждается обесчещенная фрекен, а не лакей.

Если возвышенное для Жана Вальжана – это обычная праведная жизнь, то для Уилла – это бегство из этой самой жизни. Жан Вальжан боролся с социальной несправедливостью (за кражу каравай хлеба его посадили на 4 года), а также со своим внутренним миром (после 18 лет тюрьмы он затаил глубочайшую злобу и обиду на весь мир). Он смог избрать правильный путь, благодаря епископу Мириэлю. Однако даже после победы над собой Вальжан не жил свободно, его преследовал страх перед полицией. По сути, свободу и покой он ощутил только в самой смерти. Ни преследований, ни страха быть пойманным, ни напряжения – ничего больше не было.

Герой Гюго борется всю свою жизнь и не отступает от проложенного пути, герой Хаксли, наоборот, предпочитает отступление. Борьба у него даже не с самим собой и социумом, он борется с прошлым. В художественном модусе В.И. Тюпы, Уилл – элегический герой. Человек, который живет в прошлом. Человек, который отгородился от всего мира. Также разница в том, что Уилл совершенно одинок, у него нет ни наставника, ни друга. Упоминается некий Джо Альдегид, дядя Молли. Он пристроил его к себе в контору журналистом. Сделано это из чувства долга перед племянницей.

Конечно, существенная разница между героями в том, что Уиллу дан шанс изменить свою жизнь, точнее свое отношение к жизни, чем он охотно пользуется. Сломленный человек перерождается, меняет свои примитивные взгляды на мир. Однако финал «Острова» открытый, четкого ответа автора на дальнейшую судьбу Уилла мы не видим. Хаксли предоставил своим читателям право стать вершителем судьбы Уилла Фарнаби. Однако, как мы полагаем, не имело бы смысла путешествие Уилла на этот остров, если бы Хаксли не желал направить его по правильной тропе.

В «Мифе о Сизифе» Камю дал развернутый комментарий к своему произведению «Посторонний»: его герой не добр и не зол, не нравственен и не безнравственен. О нем нельзя судить в подобных категориях: он принадлежит

к совершенно другому типу, который Камю обозначает словом абсурд. Однако это выражение в интерпретации Камю имеет два разных значения: абсурд – это и сам порядок вещей, и его ясное осознание некоторыми людьми. Что же такое абсурд? Абсурд – это отношение человека к миру. Абсурдность изначальная – прежде всего разлад, разлад между человеческой жадой единения с миром и непреодолимым дуализмом разума и природы, между порывом человека к вечному и конечным характером его существования, между «беспокойством», составляющим самую его суть, и тщетой всех его усилий.

Таким образом, в контексте всей литературы Уилл Фарнаби является героем-реалистом, который прошел строгую школу своего времени, но при этом он герой-романтик, который сохранил свои мечты и продолжает верить в лучшее. Здесь же примешивается некая доля абсурдного героя. В контексте же творчества Олдоса Хаксли Уилл – герой «автобиографический».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденция одиноких героев в литературе берет начало еще в то далекое время, когда Блез Паскаль декларировал о беспомощности человека задолго до Артура Шопенгауэра. Именно одинокие герои во всей полноте отражают свое время и эпоху. Проблема одиночества и отчуждения человека является основным лейтмотивом в произведениях Олдоса Хаксли. Герои произведений Хаксли блестяще отражают время, в которое жил сам автор, что позволяет нам судить о XX веке сквозь призму взглядов писателя-философа и аналитика, а не писателя-созерцателя. Субъективность писателя при этом не исключается полностью.

Исследователи творчества и личности Олдоса Хаксли имеют весьма противоречивые мнения насчет его творчества. Наше исследование преследовало цель обратить внимание на его творчество исключительно с позитивной стороны, а также изучить героев его наиболее известных романов «О дивный новый мир» и «Остров» и выявить определенную типологию героев в произведениях Олдоса Хаксли. В процессе исследования мы столкнулись с такими проблемами, как избыток субъективных суждений критиков на предмет творчества писателя, а также отсутствие исследований о характерологии Олдоса Хаксли.

Писателя-интеллектуала волновали проблемы современного ему общества, а также возможные последствия этих проблем. Западное общество он предал анафеме в своем самом известном произведении «О дивный новый мир» (1932), затем спустя больше четверти века изменил свое мнение в «Возвращении в новый дивный мир» (1958). Как оказалось, ситуация стала намного хуже за столь короткое время. По прошествии нескольких лет выходит утопия «Остров» (1962), которая является экспериментом на совершенно новое восточное государство с западными научными достижениями, идеальное государство только для народа. Писатель объединяет Запад с Востоком в одно государство. Именно в этом произведении Хаксли демонстрирует основные проблемы западного общества, они представлены нам через антитезу «идеальное государство Пала – проблемный западный мир». Методы обучения детей в школах, медицина, институт семьи, устройство государства, религия – вот центральные проблемы западного общества. Представленные проблемы порождают основную проблему – проблему личности.

Многие идеи в утопии «Остров» взяты из «Дивного нового мира» и переделаны в положительном ключе. Более того, Хаксли предложил решение этих самых проблем, пусть и в экспериментальном плане.

Таким образом, мы приходим к выводу, что проблема одиночества и отчуждения человека в произведениях Олдоса Хаксли является основной из всех поставленных им проблем общего характера. Герои произведений Олдоса Хаксли относятся к синтетическому типу героев-реалистов и героев-романтиков. Данный тип героев включает в себя еще и черты героя абсурда, который отрицает разумность всего окружающего и утверждает себя в бунте, пусть и бесплодном. Одиночество и отчуждение являются постоянными и неизменными спутниками героев Хаксли, определяющими их личностными качествами.

В дальнейшей работе над данной темой предполагается использовать материал русской утопической и антиутопической литературы (Е.И. Замятин, А.Н. Стругацкий и Б.Н. Стругацкий, А.П. Платонов, И.А. Ефремов, В.Н. Войнович и другие).

ЛИТЕРАТУРА

1. Источники

- 1.1. Хаксли, Олдос. Возвращение в дивный новый мир / Олдос Хаксли; [пер. с англ. А. Анваера]. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 192 с. – (Эксклюзивная классика).
- 1.2. Хаксли, Олдос. О дивный новый мир: [роман] / Олдос Хаксли; [пер. с англ. О. Сороки]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 350, [2] с. – (Эксклюзивная классика).
- 1.3. Хаксли, Олдос. Остров: [роман] / Олдос Хаксли; [пер. с англ. И. Моничева]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 512 с. – (Эксклюзивная классика).

2. Литература

- 2.1. Аникст А. Робинзонада // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929—1939. Т. 9. – Москва: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. "Сов. Энцикл.", 1935. – С. 718—723.

- 2.2. Апенко Е. Настоящее и будущее по Олдосу Хаксли // Хаксли О. Остров. Санкт-Петербург, 2000. – С. 11.
- 2.3. Барнс Дж. История мира в 10½ главах: роман / Джулиан Барнс; пер. с англ. В. Бабкова. – Москва: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 480 с. + вкл. – (Большой роман).
- 2.4. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. – С.9-191.
- 2.5. Вулф Т. Жажда творчества. — Москва: Прогресс, 1989. – 408 с.
- 2.6. Галинская И. Л. С. Ш. Шарифова. Жанровая природа фантастической литературы // Вестник культурологии. 2012. №4.
- 2.7. Гиленсон Б. А. Русская классика в мировом литературном процессе:
XIX — начало XX века. Москва: Вузовский учебник, 2014.
- 2.8. Гинзбург Л. О литературном герое. / Гинзбург Лидия. – Ленинград: «Советский писатель», 1979. – 224 с.
- 2.9. Головачева И. В. Путь на Запад, путь на Восток: «иное» в утопиях Олдоса Хаксли // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №62.
- 2.10. Головачева И. В. «Самосознание, возможно, является ошибкой эволюции»: Олдос Хаксли о топографии сознания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. №2-II.
- 2.11. Головачева И. В. Зачем писателю теория? (инструменты самопознания Олдоса Хаксли) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. №4-I.
- 2.12. Джойс Дж. Дублинцы. Улисс: новеллы, роман / Джеймс Джойс; пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – Санкт-Петербург: Азбука, АзбукаАттикус, 2014. – 1440с. – (Малая библиотека шедевров).

- 2.13. Зверев А.М. Когда пробьет последний час природы.../ Чему учит антиутопия? // Вопросы литературы. 1991. № 1. – С. 42–49.
- 2.14. Институт Свободы Московский Либертариум, глава VII "Кто кого?".
- 2.15. Карельский А. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. – Москва: Советский писатель, 1990 г. – 400 с.
- 2.16. Костюрина, Н.Ю. История литературы: учебное пособие / Н.Ю. Костюрина. – Комсомольск-на Амуре: ФГБОУ ВПО «Комсомольский-наАмуре гос. техн. ун-т», 2012. – 105 с.
- 2.17. Луговской А. В. Архетипический компонент в содержании концепта островность (на материале английской художественной литературы) // Вестник КемГУ. 2015. №1-4 (61).
- 2.18. Манн, Томас. Волшебная гора: [роман] / Томас Манн; [пер. с нем. В. Станевич, В. Куреллы]. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 928 с. – (Эксклюзивная классика).
- 2.19. Мор Т. Утопия // Утопия; Эпиграммы; История Ричарда III: [пер. с лат. и англ.] / Томас Мор. — 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1998. – С. 12- 99.
- 2.20. Оруэлл Дж. 1984 // Новый мир. – 1989. - № 2. – С.132-172; № 3. – С.140-189, № 4. – С.92-128.
- 2.21. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Платон; [пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева и др.]. – Москва: Мысль, 1999. – 655 с.
- 2.22. Рабинович В. С. Лекционный цикл О. Хаксли "Человеческая ситуация" как идейное обоснование его позднего творчества / В. С. Рабинович // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. - № 2 (102). – С. 63-74.
- 2.23. Рабинович В.С. Олдос Хаксли: Эволюция творчества. ВАК РФ 10.01.05, доктор филологических наук Рабинович, Валерий Самуилович. С. 384.
- 2.24. Рабинович В.С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. – Екатеринбург:

- Уральское литературное агентство, 2001. – С. 448.
- 2.25. Редина Ольга Николаевна. Роман-предупреждение «Обезьяна и сущность» О. Хаксли // Литературоведческий журнал. 2004. №18.
- 2.26. Садыхова Наиля Мамедгусейн. Классовые различия в утопиях и антиутопиях // Вестник ВятГУ. 2011. №2-2.
- 2.27. Скиннер. Б. Что такое бихевиоризм? / Беррес Скиннер; [Перевод с нем. Головин Н. А.] 1999, по изданию: Skinner B. Was ist Behaviorismus? Reinbek bei Hamburg: Rohwolt, 1978. P. 9-11.
- 2.28. Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х томах. Том 1. Сборник. Автор: Борис Михайлович Теплов. Редакторы-составители, авторы вступительной статьи и комментариев Н.С. Лейтес, И.В. Равич-Щербо. – Москва: Издательство «Педагогика», 1985. – 326 с.
- 2.29. Тресиддер Дж. Словарь символов. Москва, 2002. – С. 260.
- 2.30. Уоттс А. Психотерапия. Восток и Запад. – Львов: Инициатива, 1997. – С. 46.
- 2.31. Фаулз, Джон. Волхв / Джон Фаулз; [пер. с англ. Б. Кузьминского]. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 848 с.
- 2.32. Джон Фаулз. Кротовые норы. – Москва: Махаон, 2002. – С.418, 420.
- 2.33. Фромм, Эрих. Бегство от свободы / Эрих Фромм; [пер. с англ. А. Александровой]. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 320 с. – (Эксклюзивная классика).
- 2.34. Фромм, Эрих. Психоанализ и религия; Дзен-буддизм и психоанализ / Эрих Фромм ; [пер. с англ. Д. Кралечкина, А. Александровой]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 224 с. – (Философия – Neoclassic).
- 2.35. Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы, обретение острова. – Москва: ЛКИ, 2007. – 162 с.

- 2.36. Юнг, Карл Густав. Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг; [пер. с нем. А. Чечиной]. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 224 с. – (Эксклюзивная классика).
- 2.37. Юнг К. Г. Йога и Запад // Юнг К. Г. Архетип и символ. – Москва: Ренессанс, 1991. – С. 228.
- 2.38. A critical Simposium on Aldous Huxley // The London Magazine. — 1955. -Volume 2. -№ 8. - P.51-64.
- 2.39. Bertram G. C. L. What are people for? // The humanist frame / ed. Julian Sorell Huxley. — London, 1961. — P. 371—384.
- 2.40. Burgum E.-B. Aldous Huxley and his «Dying Swan» // E.-B. Burgum. The Novel and the Wolrd's Dilemma. — New York: Oxford University Press, 1947. - P.140—156.
- 2.41. Beauchamp, Gorman. “Island: Aldous Huxley's Psychedelic Utopia.” Utopian Studies, vol. 1, no. 1, 1990, pp. 59–72.
- 2.42. Defo D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe. Moscow, 1935. – 420 p.
- 2.43. Erickson M. A Special Inquiry with Aldous Huxley into the Nature of Hypnosis and Suggestion // American Journal of Clinical Psychiatry. – July, 1961. – Issue 8. – P. 14–33.
- 2.44. Harry Ransom Humanities Research Center, The University of Texas at Austin. Huxley’s Letter to Mary Hutchinson. 6 January, 1926. Цит. по: Murray N. Aldous Huxley: A Biography. – New York: St. Martin’s Press, 2003. – P. 177. 5
- 2.45. Henderson A. Aldous Huxley. — New York: Russell and Russell, 1964.— 258 p.
- 2.46. Huxley A. The New Romanticism // Huxley A. Complete Essays. Vol. I–VI / ed. R. S. Baker, J. Sexton. Chicago: Ivan R. Dee, 2001. Vol. III. P. 250–254.
- 2.47. Huxley A. Utopias, positive and negative / ed. and with an afterword by James Sexton // Aldous Huxley annual. – 2001. – Vol. 1. – P. 1 – 9.

- 2.48. D. H. Lawrence and New Mexico / ed. K. Sagar. Salt Lake City: Peregrine Smith, 1982. – 103 p.
- 2.49. Letters of D. H. Lawrence / ed. A. Huxley. New York: Viking, 1932. – 893 p.
- 2.50. Meckier, Jerome. «Conradian reminders in Aldous Huxley's «Island»: Will Farnaby's «moksha» - medicine experience and «the eternal horror». *Studies in the Novel*, vol. 35, no. 1, 2003, pp. 44–67.
- 2.51. New York Public Library. Huxley's Letter to H. L. Mencken. 5 May, 1926.
Цит. по: Murray N. *Op. cit.* – P. 181.
- 2.52. Patke R. S. The Islands of Poetry, the Poetry of Islands. *Partial Answers // Journal of Literature and the History of Ideas*. 2004. Vol. 2, № 1. P. 177–194.
- 2.53. Skinner B.F. *Walden Two*. – Upper Saddle River: Prentice Hall, 1976. – P. 257.
- 2.54. *The Secret of the Golden Flower: a Chinese Book of Life / Translated and explained by R. Wilhelm; with a European commentary by C. G. Jung*. – New York: Harcourt, Brace, 1931. – P. 128.
- 2.55. Watt, Donald J. “Vision and Symbol in Aldous Huxley's *Island*.” *Twentieth Century Literature*, vol. 14, no. 3, 1968, pp. 149–160.
- 2.56. Анджапаридзе Г.А. Печальный контрапункт светлого завтра [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.lib.ru/INOFANT/НАКСЛИ/hucksley0_1.txt_with-big-pictures.html
- 2.57. Варбург Аби. Лекция о змеином ритуале [Электронный ресурс]: 2011. – Режим доступа: <https://antifaustus.livejournal.com/126134.html>.
- 2.58. Вераксих И.Ю. Зарубежная литература. XX век. Курс лекций по зарубежной литературе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/index.htm>.
- 2.59. Ж.-П. Сартр. Объяснение «Постороннего». [Электронный ресурс]: Перевод с французского Л. Андреева и Г. Косикова. – Режим доступа: <http://noblit.ru/node/1131>.

2.60. Хаксли О. Статьи о литературе. [Электронный ресурс]: Режим доступа:
<http://marsexxx.com/lit/huxley-lit-stati.htm>.